Кр 9(С)27
Б489

…РКОВИЧ и А. ЛЕБЕДЕВ-МОРСКОЙ

Это было на сталинградских переправах

С285703

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМРЕЧФЛОТА СССР
МОСКВА—1944

208113

Кр. 9(с)27
Б489
355
Б-48

Ю. БЕРКОВИЧ и А. ЛЕБЕДЕВ-МОРСКОЙ

ЭТО БЫЛО НА СТАЛИНГРАДСКИХ ПЕРЕПРАВАХ

М 25585
пр

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМРЕЧФЛОТА СССР
МОСКВА—1944

★

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Волгари в боях за Родину	3
Испытание	14
«Ласточка»	20
Смелые люди	24
У переката	28
Капитан рейда	30
Когда горела Волга	33
Слава «Гасителя»	35
Завод под землёй	39
Шкипер Машинцев	43
Ночной рейс «Кузнеца»	46
Путь был один	49
Сквозь льды	55
За топливом	78

с285703

Отв. редактор Г. И. Кублицкий.

★

Л39600. Подписано к печати 18/V 1944 г.
Изд. № м/941. Зак. тип. 12.
5 печ. л., 5,22 уч.-изд. л. Тираж 3500.

★

Типография «Рудок», Москва, ул. Сталинградская, 7.

[illegible]

★

«Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться».

Сталин

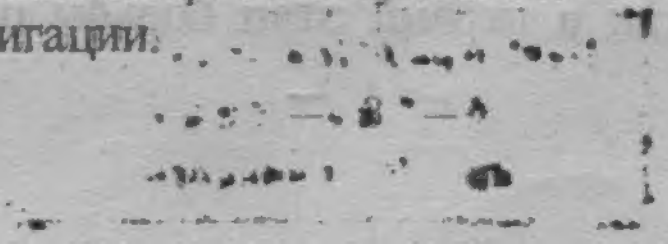
ВОЛГАРИ В БОЯХ ЗА РОДИНУ

Сталинградская эпопея войдёт одной из самых славных страниц в историю нашей родины. Немеркнущей звездой будет сиять образ города-героя. В памяти поколений не изгладится пример несокрушимой стойкости и бесстрашия тех, кто, как и в дни славной обороны Царицына, стал насмерть и, выстояв, победил смерть.

Потомки, вспоминая о суровых и величественных днях Отечественной войны, скажут об её героях: они сражались честно, мужественно и благородно, их поступки достойны великих освободительных целей, их отвага и бесстрашие так же естественны, как чисты и правдивы идеи, которые они защищали своей кровью.

Вся страна защищала Сталинград. С Урала и Заполярья, из Сибири и Казахстана, — со всех концов нашей земли шли сюда танки и самолёты, пушки и снаряды, автоматы и пулемёты, хлеб и горючее. Под огненным ливнем врага днём и ночью, в знойные летние дни и в декабрьские холода мужественные люди доставляли фронту всё, в чём он нуждался. Могучая Волга питала воинов. Караваны судов шли напролом, через огонь и смерть. Вели эти суда простые советские люди, выросшие на великой русской реке и грудью вставшие на её защиту.

Их вдохновляли на подвиги и самоотверженный труд горячая преданность партии Ленина—Сталина, безграничная любовь к матери Родине. Речники повседневно чувствовали заботу большевистской партии, великого Сталина. Еще весной 1942 года товарищ Сталин подписал ряд важнейших документов о подготовке речного транспорта ко второй военной навигации. Советским водникам была оказана огромная помощь. Весной этого же года председатель Государственного Комитета Обороны товарищ Сталин послал телеграммы руководителям краевых и областных организаций и дал конкретные указания о помощи и проверке готовности к навигации.



«*Учтите,* — писал товарищ Сталин, — *исключительное значение и роль речного транспорта в условиях войны*».

Указания товарища Сталина, повседневная помощь партии и правительства сыграли первейшую роль в успешном выполнении работниками речного транспорта своих ответственных задач в проведении оборонных перевозок.

Речникам важнейшей водной магистрали страны — Волги — оказывали постоянную помощь местные территориальные пар-

ОГАТОВ Н. — *капитан парохода „М. Калинин", награждённый орденом Красного Знамени*

тийные организации. Сталинградский обком ВКП(б) повседневно помогал водникам, содействовал выполнению речниками боевых заданий.

Речники Волги вписали славную страницу в историю героической обороны города Сталина.

«...Получение дополнительных резервов для Сталинградского фронта, — писал секретарь Сталинградского обкома ВКП(б), председатель Городского Комитета Обороны т. Чуянов, — происходило в особо сложных условиях, поскольку переброски войск были сопряжены с переправами на правый берег Волги в условиях систематических налётов вражеской авиации и обстрела переправ артиллерийским огнём.

Речники Волги как в первый этап борьбы под Сталинградом,

так особенно и в период подготовки наступления отлично справились с задачей по перевозке людских резервов и боевой техники. Многие из них проявили исключительный героизм и самоотверженность и по заслугам награждены Военным Советом фронта».

***

Шли с запада бронированные фашистские орды. Истекая кровью, усеивая путь тысячами трупов и искалеченных машин, немецкие войска по приказу Гитлера двигались на Сталинград.

ЕМЕЛЬЯНОВ К. С. — *начальник Сталинградского технического участка пути, награждённый орденом Красной Звезды*

Над Волгой сгущались грозные тучи. Всё чаще над рекой стали появляться вражеские воздушные разведчики. Они кружились над волжскими просторами, прятались в облаках. За разведчиками появлялись бомбардировщики. Они выслеживали добычу, набрасывались на мирные пассажирские и грузовые пароходы, бомбили рыбачьи посёлки и хутора.

Битва шла ещё на дальних подступах, в задонских степях, а Волга уже вступила в развёртывающееся гигантское сражение. Уже кипела вода от пулемётного огня немецких самолётов, появились первые потопленные, сожжённые и тяжело израненные суда.

Фронт приближался. Складывалась новая, чрезвычайная обстановка. Она требовала от людей большой выдержки и стойкости. События надвигались стремительно, и на ходу капитаны и матросы, механики и бакенщики осваивались с новой обстановкой. Врагу всё труднее становилось обнаруживать караваны: они маскировались у лесистых берегов, у высоких яров, шли с погашенными ходовыми огнями мимо потушенных бакенов. Когда в светлые лунные ночи врагу всё же удавалось обнаруживать цель и с самолётов летели бомбы, строчили пулемёты по палубным надстройкам, команды героически и стойко боролись с огнём и смертью.

Сталинградские речники учились военной хитрости. В районе одного переката Волга разделяется на два рукава. Этот район, учитывая его значение, враг бомбил особенно часто и ожесточённо. Создавалась серьёзная угроза питанию фронта. Путейцу Емельянову пришла остроумная мысль. На коренном, глубоководном рукаве появились караваны с ходовыми огнями, и многие десятки бомб сбросили на них немцы, не подозревая, что суда в это время идут по другому рукаву, по которому прежде они ходили только во время половодья, а целью ожесточённых налётов являются... макеты из брёвен.

На отдельных судах появились средства противовоздушной обороны. На пароход «Сократ» налетело шесть немецких бомбардировщиков. По команде капитана Кривцова навстречу пикирующим машинам взметнулся шквал пулемётного и ружейного огня. Атака была отбита. Но через короткое время над судном кружились и выли уже тринадцать бомбардировщиков. Пятнадцать минут продолжался жаркий поединок волжского буксира с воздушными пиратами. Три самолёта были сбиты за эти пятнадцать минут, остальные — рассеяны. «Сократ» продолжал путь.

В узких проходах, на перекатах, возле пристаней немцы сбрасывали на парашютах тяжёлые мины. Но зорким и острым стал глаз волгаря! Бакенщики следили не только за водой, но и за воздухом.

Иван Егорович Игольников нёс вахту вместе с женой Ульяной Павловной. Они спали поочереди, и ничто не ускользало от их настороженных глаз. Они примечали, куда падали мины, и бесстрашно сопровождали караваны через опасные места. Немцы дважды с бреющего полёта обстреливали домик бакенщика из пулемётов. Игольниковы соорудили блиндаж и попрежнему несли дежурство. Иван Егорович лично спас восемнадцать человек с судна, потерпевшего аварию от взрыва бомбы.

Прадед, дед и отец Марии Андреевны Ивановой были потомственными бакенщиками. Её пост—на правом берегу, пост брата—на левом. Оба зорко охраняли путь к Сталинграду. Ночью и днём можно было видеть на реке лодку бакенщицы. И если назревала беда, Мария Андреевна всегда оказывалась на месте. Многие речники запомнили эту отважную русскую женщину, спасшую десятки людей от смерти.

Добрая слава шла по Волге и о бакенщице Марии Бердаковой, награждённой медалью «За боевые заслуги». Бесстрашно

МАКАРЫЧЕВ Н. И. — *капитан парохода „Алтай", погибший на боевом посту в дни обороны Сталинграда. Посмертно награждён орденом Красного Знамени*

переправляла она раненых под огнём, указывала путь кораблям волжской военной флотилии.

Зорко и мужественно несли вахту путейцы. Ни одной аварии с судном, ни одного подрыва на мине не допустили они там, где это было в их силах.

**
*

В Сталинграде люди прислушивались к отдалённому орудийному гулу. Немцы начали наносить удары по волжским пристаням. В один из августовских дней появились первые жертвы в водах Сталинградского рейда.

А порт жил кипучей, напряжённой жизнью. За короткую летнюю ночь сооружались временные причалы для выгрузки танков и тяжёлых орудий. Грузчики, не зная отдыха, в небывало короткие сроки разгружали пароходы. Начальники участков, руководители порта забывались коротким сном на столах и диванах конторы; их неделями не видели дома.

Потом начались массированные налёты на город. Портовики показали подлинные образцы мужества, успевая вывозить из огня станки, механизмы, переправлять на левый берег женщин, детей, стариков, раненых. Грузчики бригады Ковалевского четыре ночи работали в адском жару, спасая ценный груз. На догорающих причалах падали люди и лошади, сражённые вражескими пулями. В те страшные часы грузчики бригад Ягупсза и Друзя выгружали боеприпасы с трёх судов, стоявших рядом с этими причалами. Одна искра — и всё могло взлететь на воздух, но люди, казалось, забыли о смертельной опасности.

В последние дни августа мощный Сталинградский порт с его кранами, транспортёрами, красивыми пассажирскими дебаркадерами, многочисленными грузовыми причалами был превращён в развалины. Берег Волги на десятки километров покрылся оспинами воронок. Ушли из порта грузчики. Здесь стали теперь насмерть автоматчики и пулеметчики, артиллеристы и снайперы.

Немецкие войска яростно наседали, стремясь выйти широким сплошным фронтом к Волге. Нарастало ожесточение боёв. 62-я армия, прижатая к берегу, не дала гитлеровцам осуществить свой замысел: враг вышел к реке лишь узкой полоской и вынужден был занять оборону. Но в его руках находились возвышенности, господствовавшие над городом, с которых Волга просматривалась и простреливалась на большом протяжении. Отсюда можно было держать под наблюдением и огнём все подступы к реке с востока, все дороги, ведущие к сталинградским переправам. Весь этот волжский простор был разбит немцами на квадраты. Ночью и днём грохотали вражеские орудия, лаяли шестиствольные миномёты, с воем проносились бомбардировщики.

Но, чем яростнее наседали гитлеровские полчища, тем злее и упорнее становилось сопротивление на Волге. Десятки больших и малых волжских судов стали на службу фронту.

На переправы обрушивались теперь сотни тонн металла, и всё чаще буксиры, баржи, катера, моторные лодки выходили из строя, всё чаще появлялись на реке потопленные, обгоревшие, изуродованные пароходы. Но флот жил, флот работал.

Под непрерывным обстрелом с воздуха стояли пассажирские суда «М. Калинин» и «Парижская Коммуна». На них были люди и ценный груз. В одну из тёмных ночей они вышли из Сталинграда.

Противник обнаружил крупные волжские суда, когда они отвалили от причала. Фашистские самолёты яростно бросились в атаку, поливали суда пулемётным огнём. С правого берега неустанно били вражеские батареи. Когда суда приблизились к наиболее опасному месту, машины заработали на всю свою мощность. Пароходы шли на повышенных скоростях, капитаны вели их к цели.

ГАЛАШИН Л. Д.— *капитан теплохода „Парижская Коммуна", награждённый орденом Красного Знамени*

Высокая организованность команд, хладнокровие и выдержка капитанов обеспечили успех этого дерзкого рейса. Суда благополучно пришли в пункт назначения.

Кто из бойцов Сталинградской армии не знал тогда маленькую «Ласточку», которая безотказно буксировала паромы с грузами, нужными фронту. Кто не слыхал здесь о старом капитане, участнике обороны Царицына, Павле Ивановиче Колшенском, катер которого всегда появлялся там, где он был всего нужнее? Кто не вспоминал с благодарностью команды прославленных баркасов «Надёжный», «Абхазец», «Лена», «Наблюдатель», «Лейтенант Здоровцев», «Ерик», мужественно служивших фронту?

Одни суда выбывали из строя, другие приходили им на смену. Погиб на посту капитан Рачков, погибли капитаны Макарычев, Кузьминкин, Сергеев, шкипер Макаров, помощник шкипера

Лебедев, механик Ерохин, бакенщик Михайлов и другие... Вечная память этим людям, павшим в боях за Волгу, вечная слава этим солдатам величайшей битвы!

Трудно переоценить роль речного флота Нижней Волги в снабжении фронта.

Кто бывал в эти дни на Волге и видел работу на переправах, тот знает, сколько выдержки и бесстрашия требовала она. Надо было быстро, чётко, спокойно, без растерянности водить суда, когда над головой носятся немецкие пикировщики, когда небо — в зенитных разрывах.

Под ожесточённым огнём шли волжские суда, питая фронт боеприпасами и снаряжением, горючим и продовольствием. Нефтевозы Волготанкера, плавая до ледостава, в тяжёлых зимних условиях, доставили к передовой линии миллионы тонн нефти и бензина. Ни перед какими трудностями и опасностями не останавливались речники Волги.

***

Поврежденные пароходы и баржи, в которые можно было вдохнуть жизнь, ремонтировались тут же, у переправ, в затоне, под обстрелом. Это делали котельщики, слесари, судоподъёмщики, плотники. Прославленного судоподъёмщика Шарипова здесь справедливо назвали «главным хирургом» флота. Он и его бригады появлялись на самых опасных участках.

Немцы знали, что главной базой флота служит судоремонтный завод, расположенный в затоне, на левом берегу. В начале сентября на завод налетело пятнадцать фашистских бомбардировщиков. С небольшой высоты они сбрасывали на цехи и жилые корпуса тяжёлые фугасные и зажигательные бомбы. В разных концах территории завода возникли пожары: загорелась лесопилка, малярный и жестяницкий цехи, хозяйственные постройки, конюшня. Огонь перебрасывался на заводской клуб, ремесленное училище. Рабочие, инженеры, служащие самоотверженно боролись с огнём, не давая ему распространяться и перебрасываться на основные заводские строения. На многих загоралась одежда, появились ожоги. Медсестра Надежда Мурзюкова и вахтенная Елизавета Абрамович оказывали раненым товарищам первую медицинскую помощь, и никто не уходил с своего поста. Народный комиссар т. Шашков, находившийся все эти дни в Сталинграде и лично руководивший работой речных судов, оказался в этот момент на заводе и вместе со всеми рабочими принимал участие в тушении пожара, отстаивая от огня завод.

Когда войска противника стали просачиваться к Волге, завод оказался в зоне артиллерийского и минометного обстрела.

В один из сентябрьских дней враг произвёл массированное артиллерийское нападение: сотни снарядов были выпущены по судам, но почти все они упали в ста двадцати—ста пятидесяти метрах от них. Через день немцы произвели массированный воздушный налёт. Флот и на этот раз оказался невредимым: сгорело только несколько дощаников.

Обстановка накалялась, и пришло время перебазировать флот и завод на новые места. Положение осложнялось, однако, тем, что противник, овладев возвышенностями, парализовал центральную переправу, и движение по основному руслу реки стало невозможным. Для вывода флота из зоны непрерывного обстрела оставался путь только через мелководную воложку, которая сулила много неприятностей, особенно судам с глубокой осадкой. В одну из поздних сентябрьских ночей десятки судов прошли этой воложкой, и флот получил новую базу. Вместе с флотом перебазировался и завод, а его «главный хирург» судоподъёмщик Шарипов снова появлялся на опасных участках, чинил, латал суда, давал им путёвку в боевую жизнь.

Тяжесть снабжения фронта в связи с прекращением работы на центральной переправе легла теперь на фланговые, в районе «Красного Октября» и в районе Красноармейска.

Противник особенно яростно бомбил и обстреливал Краснооктябрьскую переправу. Но речники проявили исключительное мужество и упорство. Флот на эту переправу надо было подавать с левого фланга, где базировались суда, через воложку, которую на протяжении свыше двадцати километров враг держал под обстрелом. Разумеется, на воложке не зажигали огней путевой обстановки, и лишь свет предательских «фонариков» и «люстр», сбрасываемых с немецких самолётов для обнаружения идущих караванов, разгонял ночную тьму. Суда шли по узкому фарватеру под водительством опытных капитанов, хорошо знавших каждый изгиб реки, каждый ориентир на берегу. Эти отважные, знающие люди работали так, что ни одно судно, прошедшее по воложке с левого фланга на правый, не погибло. Небольшие повреждения от снарядов и мин быстро исправлялись судовыми командами и подвижными бригадами завода.

Именно к этому трудному периоду относятся смелые рейсы пароходов «Кузнец» и «Совхозница», доставивших на Краснооктябрьскую переправу большие баржи и обеспечивших этим подвоз снаряжения нашим частям, прижатым к узкой полоске берега.

В районе этой переправы неизменно плавал баркас «Ерик» со своим дощаником «Связист».

Фронт вскоре предъявил новые требования. Снаряжение нужно было подвозить частям Сталинградской армии путём, лежащим между двумя линиями фронта. Фарватер находился здесь от огневых позиций противника на расстоянии трёхсот метров. Весь район был тщательно пристрелян врагом. Резко ухудшились и условия плавания: наступили ноябрьские холода, вода катастрофически падала, начинался ледоход, и суда с трудом пробивались сквозь льды.

РАЧКОВ И. С. — *капитан парохода „И. Сталин", погибший на боевом посту в дни обороны Сталинграда. Посмертно награждён орденом Ленина*

Но вот начались перемены: противник был оттеснён, и правый берег снова стал нашим. К этому времени толщина льда в затоне достигала уже 35 сантиметров. Чтобы вывести судно, сапёры взорвали лёд на протяжении 400 метров, и «Узбек» вышел на Краснооктябрьскую переправу.

Холодными туманными ночами команда парохода доставляла бойцам хлеб и снаряжение, а днем «Узбек» укрывали белыми парашютами: он совершенно терял свои очертания в свинцовой серой мгле, окутавшей Волгу. И только после того, как плотный лёд окончательно сковал реку, сталинградские речники приступили к залечиванию тяжёлых ран.

Всё теснее сжималось кольцо вокруг окружённой гитлеровской армии. Гром советской артиллерии, могуче перекатываясь над волжским простором, звучал величаво и торжественно, сливался с треском пулемётов, с грохотом танковых колонн, с мощным «ура» наступающей пехоты.

Это советские войска громили врага с запада и востока, с севера и юга.

Это очищалась сталинградская земля.

Это заканчивалась одна из величайших битв в истории, увенчанная победой советского оружия.

Эта битва кончилась окружением трёхсоттысячной армии немцев, разгромом последней и пленением около одной трети окружённых войск. Советские воины блестяще осуществили гениальный стратегический план Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина. Красная Армия отстояла Сталинград, берега вольной Волги были навсегда очищены от немецко-фашистской мрази.

Битва за Сталинград, а затем битва за Курск явились важнейшими событиями в период между 25-й и 26-й годовщинами Октября. Оценивая замечательные успехи доблестной Красной Армии, одержанные ею в этот период, товарищ Сталин указывал, что успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа. Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин высоко оценил самоотверженный труд советских людей в тылу, высоко оценил и труд советских транспортников:

«Большую роль в деле помощи фронту, — говорил товарищ Сталин, — сыграл наш транспорт, прежде всего железнодорожный транспорт, а также речной, морской и автомобильный транспорт... Нужно сказать, что в деле своевременного подвоза на фронт вооружения, огнеприпасов, продовольствия, обмундирования и т. д. роль транспорта является решающей. И если несмотря

на трудности военного времени и недостаток топлива нам всё же удалось снабжать фронт всем необходимым, то в этом надо признать прежде всего заслуги наших *транспортных рабочих и служащих*».

Родина, советское правительство высоко оценили заслуги волгарей в битве за Сталинград. 361 работника Нижневолжского пароходства и Волготанкера награждены орденами и медалями Советского Союза. 528 человек награждены медалью «За оборону Сталинграда».

★

ИСПЫТАНИЕ

Павел Иванович Колшенский вышел из диспетчерской и торопливо направился к катеру. Войдя в свою каюту, он бережно сложил полученную на берегу бумагу и спрятал её под подушку.

Июльское солнце поднималось над Волгой. Оно озарило заводские трубы, крыши домов, суда, стоящие на рейде. Речные трамваи, небольшие баркасы, моторные лодки бороздили реку. Слышно было, как тихо плескалась волна у борта.

Павел Иванович смотрел на родную реку, и сердце его забилось учащённее. Нежиданно нахлынули воспоминания о доме жене Елизавете Константиновне, о сыновьях, сражающихся на фронте. Вспомнился отцовский дом в Дубовском посаде, детство, рыбницы, на которых он плавал с малолетства. Промелькнули в памяти казармы в Царицыне, где ему и другим волгарям в грозный год дали винтовки в руки и призвали бить Деникина и Врангеля...

В последние дни старый капитан часто искал уединения, чтобы отдаться мыслям, подумать о происходящем. В команде замечали, что «старик» стал чаще хмурить свои густые седые брови, смотрел иногда на людей рассеянными, невидящими глазами. Тяжёлые думы бродили в голове капитана. Всё изменилось, всё перевернулось, стало тревожно на воде, в воздухе, всюду...

Капитан неожиданно оторвался от окна, поправил выцветшую фуражку и вышел из каюты. Спустившись в машинное отделение, он постоял здесь немного, потрогал ярко начищенные ручки реверсов и, показывая на двигатели, обратился к механику:

— Смотри, дружище, чтобы они у тебя работали, как часы. Приказ получен: сегодня уходим.

Команда ещё накануне узнала о предстоящем рейсе, и все к нему готовились.

— В шестнадцать тронемся,—сказал капитан.

Вскоре катер «Тринадцатый» подошёл к причалу для погрузки. Грузчики осторожно носили аккуратно запакованные ящики, тщательно их укладывали и укрывали брезентами. Когда последний ящик оказался на своём месте, катер отвалил от берега.

«Тринадцатый» годами курсировал на местной линии, возил мирных пассажиров, торопившихся к заводскому гудку, в учреждения, на городские базары, в пригородные посёлки. Теперь он шёл на юг с покрытым брезентами ценным грузом.

Команда гордилась первым боевым заданием. Павел Иванович не раз говорил, что пора и его катер направить на «настоящее» дело, но до сих пор в диспетчерской отделывались шуткой:

— Куда тебе! Не по силам, — стар ведь!

Павел Иванович выслушивал эти шутки, зло закусывал губу и не отвечал.

— Ничего, — говорил он себе,—мы ещё посмотрим, кто стар, а кто молод. Не зря ведь кровь волжская в жилах течёт.

...Уже давно скрылись очертания города и вдали стлалась голубая дымка. Лёгкий ветерок рябил поверхность воды. Стояла задумчивая предвечерняя тишина. Предзакатное солнце окрасило в розовый цвет песчаные берега и отблесками играло в окнах одиноких домиков бакенщиков.

Павел Иванович, чуткий, насторожённый, стоял на мостике. Его тревожили надвигающиеся тихие сумерки. Он чувствовал всю обманчивость этого внешнего спокойствия.

— Может быть, уже неподалеку кружит, выслеживает, подстерегает чёрный коршун?

Прошёл ещё час. Сумерки сгущались. Капитан вздрогнул: откуда-то издалека донеслось гудение самолёта. В стороне ударила зенитка.

— Летит! Сюда летит!

Всё ближе и ближе этот противный, с непривычки щемящий сердце нерозный вой мотора. Пытаясь пересилить волнение, Павел Иванович заговорил о чём-то со своим помощником. Гул в воздухе нарастал, и вот уже виден большой четырёхмоторный немецкий бомбардировщик. Он появился с левой стороны и шёл теперь над яром, над хутором.

— Поймал нас, сволочь, — вслух произнёс капитан и почувствовал, как у него немеет тело. Сердце стучало тяжело и надрывно. Самолёт развернулся и пошёл на катер.

— Чего раскис, Павел Иванович?—словно чужим, властным голосом сказал он вдруг себе,—выходи из беды... Это ведь только цветочки, а ягодки будут ещё впереди.

Ближе, с каждой секундой ближе чудовищная птица...

И вдруг всё неожиданно оборвалось. Капитана отбросило к стенке рубки, в глазах зарябило. Катер резко покачнулся, зазвенели разбитые стёкла. Капитан ждал страшной минуты: вот-вот раздастся оглушительный взрыв и груз вместе с катером и командой взлетит на воздух.

Но взрыва не последовало. Катер выровнялся и стал плавно покачиваться на воде. Гул самолёта удалялся и вскоре совсем затих.

Успокоившись, старый капитан быстро отдал распоряжение о маскировке судна. Он ходил по палубе, пытаясь уловить настроение команды.

«А может быть, они пережили то же, что и я. Ведь и им, должно быть, страшно было, — думал Павел Иванович. — Они, правда, моложе и нервы у них покрепче».

— Ну, как, Григорий,—окликнул бодро капитан одного из матросов и вопросительно посмотрел ему в глаза:—небось испугался? Видал, какое чудовище, а ведь ничего... Вот—целы. Правда ведь?

И он пошёл дальше, не дожидаясь ответа, довольный тем, что никто не подходил к нему с жалобами.

«Значит, умеют ребята в руках себя держать».

И Павел Иванович в эти минуты почувствовал, что есть такая сила, которая выше страха, выше человеческих слабостей и страстей,—сила долга перед родиной, чувство солдата, который защищает своё, бесконечно любимое и дорогое.

Замаскировавшись, стали выжидать. Все чувствовали, что одним налётом вражеского самолёта дело не кончилось. И, действительно, «гость» не заставил себя долго ждать: вскоре он снова начал кружить над яром, сбрасывая бомбы. Они рвались совсем близко, поднимая большие рассыпчатые столбы воды.

Самолёт ушёл, и слышно было, как за яром рвались тяжёлые фугаски. Где-то в степи занялось пожарище, и постепенно пятна его на чёрном небе становились яркокрасными.

В тревоге прошла ночь, а с рассветом катер продолжал свой рейс. Капитан снова стоял на мостике и отдавал приветствия шедшим снизу буксирам с горючим и пассажирским судам. Он всматривался в их корпуса, палубные надстройки, дымовые трубы, и ему казалось, что так же жадно устремлены глаза людей и на его катер.

№ 25585

— Вот видите, — мысленно обращался он к ним: — обстрелянные уже...

После этой тяжёлой ночи Павел Иванович чувствовал какой-то особенный прилив энергии. Надо только привыкнуть, а когда привыкнешь, то и страха никакого нет. Теперь бы только двигаться быстрее, скорее достигнуть цели.

— Заходите к пристани!—раздался с берега голос в рупор

— Опять новость,—рассердился капитан и, нахмурив седые брови, буркнул,—чего ещё?

На пристани ему разъяснили обстановку и предупредили, что итти надо очень осторожно, чтобы не наскочить на мину.

— Всё ясно,—нахмурился Павел Иванович,—только пережидать у меня времени нет: очень нас ждут в одном месте. Прощайте пока.

В сумерки, когда подходили к перекату, вновь послышался знакомый уже прерывистый гул. Самолёт появился неожиданно и летел низко, словно пытался накрыть и придавить всё живое своими большими чёрными крыльями. Казалось, он обязательно заденет за мачту.

— Вот подлюга!—вслух произнёс капитан—так и норовит живьём съесть...

Самолёт выпустил по катеру две очереди трассирующих пуль. Они падали в воду, булькали у бортов, ударялись о металлические предметы и с шумом отскакивали. Ослепительный свет прорезал темноту. Выпущенные немцами ракеты на миг осветили и катер, и реку, и берег. Снова застрочил пулемёт. Одна звенящая очередь за другой прошивала реку. Пули начали впиваться в палубу, в тент, ударяться о борт.

И снова, как в ту ночь, ёкнуло в груди капитана.

— Врёшь, не выйдет!—громко гневно крикнул Павел Иванович, — не сдамся, гад!

Катер начал маневрировать, бросаться то в одну сторону, то в другую, то замедлять, то ускорять ход.

Стервятник ещё раз с рёвом пронёсся над рекой, сбросил в стороне две бомбы и ушёл. И снова наступили томительные тревожные часы. Не раз ночная тишина прерывалась короткими залпами зениток, отдалённым раскатистым гулом орудий, но самолёт уже не появлялся.

Утром на третий день катер, прошитый пулемётным огнём, с продырявленными палубными надстройками, разбитыми стеклами пришёл в пункт назначения, а с рассветом следующего дня уже тронулся в обратный рейс.

...На Сталинградском рейде было попрежнему оживлённо. Подходили суда, разгружались баржи, рыскали катера и мотор-

Волгоградская областная библиотека им. М. Горького

ные лодки, но ритм портовой жизни стал тревожным, напряжённым. В этом напряжении улавливались черты приближающегося фронта. Двадцать третьего августа фронт начертал свой рубеж за окраиной Тракторного завода.

Пару дней удалось Павлу Ивановичу отдохнуть. Потом его срочно вызвали и предложили выполнять особые поручения.

В тот день, когда он ходил по вызову, над городом стлался дым пожаров. Капитан шёл родными улицами и площадями, смотрел из-под насупленных седых бровей на горящие здания, на омертвевшие трамвайные вагоны, оборванные телеграфные провода. Он шёл торопливо, натыкался на вывороченные камни мостовой, на обгоревшие брёвна. На повороте улицы его взор привлекла большая лужа крови на асфальте тротуара. Недалеко лежал мальчик лет десяти и смотрел на капитана открытыми глазами. Это были уже мёртвые глаза, но капитану казалось, что они о чём-то просили. Буйную силу почувствовал вдруг капитан в своих жилистых руках, острое, неистовое желание вцепиться врагу в горло.

...Старый капитан возвращался берегом и не заметил, что знакомый причал и катер остались уже позади. Перед его глазами неотступно стояла картина: лужа крови, мальчик, лежащий на горячем асфальте.

Из оцепенения вывел его голос механика:

— Куда вы, Павел Иваныч?

Он остановился нерешительно, рассеянно посмотрел на берег и повернул обратно. Через несколько минут капитан собрал команду, а через час катер начал уже выполнять «особые поручения».

С тех пор капитан Колшенский не уходил с рейда. Катер перевозил женщин и детей на левый берег, эвакуировал оборудование, буксировал дощаники с разным грузом.

Под роем свистящих пуль, среди разрывов снарядов и мин Павел Иванович прокладывал путь своему судну с одного берега на другой. Он стал злее, суровее, как-то выпрямился. Меньше о думал теперь о семье.

— «Потом, потом,—говорил он себе,—так легче»...

...Немцы с особенным ожесточением бомбили центральную переправу. Катер «Тринадцатый» только что вернулся из рейса. Не успел капитан выйти из рубки, как где-то в стороне раздался сильный взрыв. Потом ветер донёс приглушённые стоны.

Катер сделал резкий оборот и побежал в темноту, к тому месту, откуда просили помощи. Над рекой, словно отблеск пожара, вспыхивал яркий свет разрывов. С пронзительным свистом падали рядом бомбы. Команда торопилась. Всё ближе беспомощ-

ню барахтающиеся в холодной воде люди, цепляющиеся за деревянные обломки, раненые...

В эту сентябрьскую ночь капитан Колшенский и его команда спасли жизнь двадцати одному человеку.

А в следующую ночь катер «Тринадцатый» уже снова совершал свои обычные рейсы.

Было два часа ночи, когда пришёл диспетчер.

— Надо итти!

Дальше можно было и не расспрашивать: жизнь судна за все эти дни и ночи до того определилась, что один понимал другого с полуслова. Ясно было и сейчас, что итти нужно на правый берег, где держат оборону сталинградские бойцы.

Старый капитан настолько свыкся со всей обстановкой, что перестал уже прислушиваться к рычанью немецких самолётов, к свисту мин: всё это стало для него теперь привычным.

Ночь была пасмурная. Немецкие миномёты беспрерывно обстреливали Волгу. Холодные лучи прожекторов рассекали небо, шарили по воде. И однажды, только лишь катер отвалил от песчаного берега, как был пойман мёртвым голубым лучом. Через несколько секунд загозорили вражеские батареи. Снаряды рвались всё ближе и ближе.

Взрыв. Судно, подскочив на вздыбленной воде, резко накренилось: снаряд попал в корпус. Гигантской струёй вода хлынула в машинное отделение. И понял Павел Иванович, что пришла трагическая развязка.

Вода быстро заливала катер. Капитан не чувствовал теперь боли от ушибов, им владело одно чувство: хотелось жить, чтобы вот так, в огне и свисте пуль, работать для родины, много и хорошо работать, отдать все силы великому и благородному делу.

Капитан схватил рупор и громко, властно скомандовал:

— Держись, ребята! Поддай оборотов...

Но машина уже отказала. И неподалеку от берега, теряя свои последние силы, катер лёг на дно.

Вплавь команда перебралась на сушу. Последним вышел из воды старый капитан. Он долго и молча смотрел на торчавшую из воды трубу катера.

— Дом родной потерял,—сказал он вслух и медленно зашагал по берегу. И никто в темноте не заметил, как плакал он и как слёзы падали на влажный песок.

Через несколько дней капитана Колшенского видели уже на мостике баркаса «Капитан Иванищев». Первый день на новом судне капитан был угрюм и неразговорчив: у каждого человека бывают свои думы, своя тоска. Уже позднее узнала команда,

что после гибели катера видел капитан свою жену, Елизавету Константиновну. Решил съездить к ней, поделиться своей печалью.

— Сидим мы в землянке, чай фруктовый пьём и мыслям предаёмся, — рассказывал он.—«Ты что же, говорит жена, совсем от меня уходишь или как? Чай, помоложе тебя есть для такого дела»... Ну, и, по совести скажу, заплакала моя бабка. Её-то, конечно, тоже понимать надо. Поссорились с ней, малость, а потом смотрю: котомку мою укладывает и говорит: «Раз итти надо, стало быть—иди!».

И старый волгарь снова ходил на переправы.

Двадцать восемь дней и двадцать восемь ночей совершал баркас, которым командовал теперь Павел Иванович, тяжёлые рейсы, а на двадцать девятый день, оказывая помощь собрату по работе, получил смертельную рану: несколько снарядов раздробили корпус, и баркас утонул.

— Ну, как дела? — спросил его диспетчер.

— Печально, — тихо ответил Павел Иванович и неожиданно, оживившись, резко сказал:

— Мы ещё поплаваем, посмотрим, чья возьмёт!

Вскоре Павел Иванович Колшенский был уже на борту другого судна. В глазах его можно было прочесть гордость человека, прошедшего через суровые испытания и с честью выдержавшего их.

— Соревнуюсь с сыновьями,—сказал он при встрече.—Я здесь, под Сталинградом, а они на другом фронте бьют немца. Хорошо воюют, за родину сражаются...

О себе старый капитан ничего не сказал, но орден Красной Звезды на его синем кителе говорил больше всяких слов.

★

„ЛАСТОЧКА"

Маленькая, низенькая, накренившись на один бок, медленно плывёт она по широкой волжской глади. Издали узнают её.

— «Ласточка» идёт!

А она, тяжело пыхтя, как бы отвечает:

— Сей-час, дой-ду, сей-час, дой-ду, сей-час, дой-ду...

Вот уже двенадцать лет, как она появилась на Сталинградском рейде и плавает здесь по поручениям диспетчерской порта: отбуксировывает или прибуксировывает баржи, откачивает воду, подвозит материал, бегает на дальние причалы с рейдовым капитаном. Так—каждый день. Однообразно, замыкаясь двумя берегами реки, протекала жизнь команды.

Баркас Сталинградского рейда „Ласточка"

Если случалось «Ласточке» сходить в «дальнее» плавание,—вверх, к посёлку Дубовке или вниз, к Райгороду,—то для команды это было уже событием.

В июне тысяча девятьсот сорок второго года в машинное отделение парохода спустился новый механик Василий Дмитриевич Григорьев. Он пришёл вместе с сыном Николаем, кочегаром. Тихо было в те дни в водах Сталинграда. Не думал тогда и механик, что его «Ласточка» ещё покажет себя в битвах за Сталинград молодой и неутомимой, окажется в числе тех волжских судов,—больших и малых,—которые до конца и с честью пронесут знамя героической и славной борьбы.

***

23 августа сотни немецких самолётов обрушили на Сталинград мощный бомбовой удар. В районе Тракторного завода появились тяжёлые вражеские танки. В синем безоблачном небе рычали юнкерсы. К ночи небо заволокло тучами. Город горел. Густой чёрный дым стлался над высокими зданиями, языки пла-

мени вырывались из выбитых окон. Отовсюду доносились стоны и крики детей и женщин. Короткая августовская ночь казалась долгой, томительно долгой, словно рассвета никогда не будет. Утро пришло, но небо попрежнему было чёрное от дыма и копоти. И снова свистели бомбы, снова гудели орудийные выстрелы и с визгом, скрежетом и лязгом ударялись о металлические предметы раскалённые осколки.

Самолёты противника появились над Волгой. Они сбрасывали смертоносный груз на суда и дебаркадеры, зажигали нефтехранилища. В эти дни сталинградской эпопеи десятки больших и малых пароходов, баркасов и барж начали свою новую жизнь. Город, истекавший кровью, призвал их на смертный бой с вандалами. И «Ласточка» была одним из тех судов, которые с первого часа ожесточённых массированных налётов вражеской авиации встали на волжскую фронтовую вахту.

Её можно было видеть на рейде, у горящих, догорающих и обгоревших причалов, у левого берега. Попрежнему, тяжело пыхтя и отдуваясь, ходила она по реке. Но в её ходе можно было уловить что-то новое. Казалось, что механик и его сын выжимали из состарившейся машины парохода больше, чем она могла дать. «Ласточку» замечали издали, и в шипении пара как будто слышалось:

— Спе-шу, спе-шу, спе-шу!

Она оказывалась всегда там, где была нужна более всего.

Команда «Ласточки» перевозила раненых от бронзового памятника Хользунова до Бобылей и Красной слободы, буксировала дощаники со снаряжением на «Красный Октябрь», отвозила эвакуированных женщин и детей на левый берег, доставляла хлеб, помогала строителям понтонного моста, вместе с другими буксирами уводила из-под огня повреждённые суда.

Буксир-работяга трудился день и ночь. Его знали женщины и дети, хозяйственники и красноармейцы, учёные и инженеры. Многим он спас жизнь, многих напутствовал на правый бой с немецкой сволочью. Тысячи сталинградцев запомнят, как в один из последних августовских дней «Ласточка» под непрерывным огнём противника, под ожесточённейшей бомбёжкой с воздуха совершила семь рейсов с правого берега на левый. Это было серьёзное испытание нервов, и люди, командовавшие пароходом, выдержали его.

Однажды на палубу «Ласточки» явилась делегация бойцов Красной Армии. Гости были уже знакомы с командой парохода; знакомство произошло в одну из сентябрьских ночей, когда «Ласточка», вся израненная осколками рвавшихся около неё

мин, неотступно шла к своей цели — к правому берегу, где не утихал бой.

Было много, очень много тяжёлых, бессонных ночей, бывали минуты и слабости, усталости, но тем яростнее, злее работала после них команда.

...Обложив бронированной подковой город, немцы начали методически разрушать заводы и фабрики, железнодорожные сооружения, береговые склады. В один из дней они неистово бомбили нефтяные базы. «Ласточка» получила приказ—подойти к нефтехранилищам и откачать нефтемашинку.

Приказ—свят. Пароход пробился к берегу и стал у машинки. Тёмная ночь скрыла силуэт судна. Лишь предательское пламя пожарища временами вырывало из тьмы «Ласточку». Команда парохода, не медля ни минуты, приступила к откачке. Это был адский труд. Раскалённый, спёртый воздух прорезали пули и осколки. Обливаясь потом, надев противогазы, скользя в липких лужах, люди работали до изнеможения. Их тела сплошной чёрной массой покрывал мазут. Василий Дмитриевич и его помощник Семён Петрович Сусликов руководили откачкой.

Рядом с механиком, тут же, на мостках находился его сын. Несколько раз Василий Дмитриевич предлагал ему уйти на берег.

— Иди, говорил ему отец, — один управлюсь!

— Не пойду, с тобой буду!—отвечал тот.

Боевое поручение было выполнено. Отец и сын вместе несли вахту. Они ведь составляли половину всей команды! На «Ласточке» в это время четверо работали за двенадцать—каждый за троих.

Как-то зимой команда «Ласточки» получила письмо от группы пионеров. Дети писали: «Милая «Ласточка»! Очень благодарим, что спасла наши жизни. Ещё благодарят за нас и шлют привет тебе наши мамы и тёти. Отцам и старшим братьям мы послали письма на фронт. Они тоже там скажут тебе свое спасибо».

Большое спасибо сказали команде бойцы и командиры, сражавшиеся на сталинградской земле. Оно выражено в медали «За отвагу», которой командование фронтом наградило механика «Ласточки» Василия Дмитриевича Григорьева, оно выражено в самых тёплых отзывах о буксире-работяге Сталинградского рейда:

— Незаменимая работница!—говорили о ней бойцы

— Наша «Ласточка»!—говорили дети.

★

СМЕЛЫЕ ЛЮДИ

Буксир «Совкомбайн» в течение долгих лет занимался самыми мирными делами. Приземистый, окрашенный в светлокоричневый цвет, он плавал между Камским Устьем и Горьким с деревянными баржами, груженными солью, хлебом или камнем. День за днём, месяц за месяцем текло время, размеряемое четырёхчасовыми вахтами, короткими стоянками, отсчётами оставленных за кормой километров.

И вот ранним августовским утром подошёл к «Совкомбайну» катер, и приехавший на нём начальник предложил немедленно поставить на якорь караван и полным ходом следовать к военным переправам.

На палубе парохода и в его жилых помещениях всё пришло в движение. Каждый задавал другому вопросы, забегал как бы невзначай в капитанскую каюту или к механику...

Простившись коротким гудком с умчавшимся к берегу катером, «Совкомбайн» взял курс в низовья Волги. Длинный переход направил в обычное русло судовую жизнь, и когда пароход пришёл к месту назначения, двадцатишестилетний его капитан Иван Иванович Докукин просто и спокойно заявил коменданту переправы:

— Прибыл в ваше распоряжение.

Час спустя «Совкомбайн» уже буксировал высокобортную баржу, доверху нагружённую воинским снаряжением и продовольствием.

Так началось его плавание на фронтовой переправе.

***

Ни налёты вражеских самолетов, ни артиллерийские и минометные обстрелы не могли остановить отважных волгарей, водивших свои суда от берега к берегу. Как ускорить перевозку, как до минимума сократить непроизводительные стоянки буксиров в ожидании погрузки барж,—эти вопросы волновали многих.

Докукин первый взялся за их решение, точнее, сама обстановка заставила его искать новые пути. Дело было так.

— Товарищ капитан,—обратился к Докукину комендант одной из переправ лейтенант Лобанов,—командование фронтом поручило нам перебросить на правый берег в течение семи часов... —и он назвал, что именно нужно перебросить.

— На одном «Совкомбайне»?!—с удивлением спросил Докукин.

— К сожалению, никого придать в помощь вам не можем. Выходит, на одном «Совкомбайне».

Докукин задумался. При любых условиях, даже если не налетят стервятники, пароход может выполнить задачу не раньше, чем за девять-десять часов.

По установившимся здесь правилам каждый пароход буксировал только по одной барже, и лишь немногие, самые мощные, обслуживали две. Когда одна из барж заканчивала погрузку, пароход уводил её к правому берегу, а тем временем вторая грузилась у причала. Однако и этот способ полностью не устранял непроизводительные простои пароходов.

— А что, если сегодня взяться обслуживать не две, а три баржи?—после долгого раздумья обратился Докукин к коменданту переправы.—Если сделать так, пожалуй, уложимся в срок...

«Совкомбайну» придали три баржи. Это были невиданные до сих пор на переправе рейсы. Пароход носился от берега к берегу, почти с хода подхватывал у причала нагружённые баржи и так же виртуозно устанавливал их у разгрузочных причалов. Несколько раз на судно налетали фашистские самолёты, сбрасывали бомбы, обстреливали из пулемётов, но пароход, искусно маневрируя и отстреливаясь, продолжал свои короткие рейсы.

Ни на одной из трёх барж не было полной команды. Особенно трудно приходилось шкиперу крупнотоннажной баржи № 3318 Николаю Павловичу Карташёву: на барже были он да его жена Мария Степановна. На барже № 1530 вместо семи человек работали трое. Эти люди почти не знали сна и отдыха, с трудом урывали несколько минут для обеда и ужина. Нелёгко приходилось и экипажу самого «Совкомбайна»: на пароходе было только одиннадцать человек вместо двадцати двух. Механик Пётр Гаврилович Севастьянов выжимал из старенькой машины всё, что она могла дать. Кочегаров на пароходе не было. Вахту у котлов несли, кроме самого механика, его помощник Григорий Михайлович Власов и маслёнщик Прокофий Мартьянов.

...Спустя пять часов двадцать минут после получения приказа от коменданта Докукин рапортовал об окончании перевозки: сложнейшее задание коллектив «Совкомбайна» выполнил на один час сорок минут раньше срока.

С этого дня многие буксировщики начали обслуживать по три баржи, и простои флота сократились, перевозки ускорились.

***

Взбунтовалась Волга. Тяжёлые волны с грохотом разбивались о борт «Совкомбайна», заливали палубу и, рассыпавшись в водяную пыль, окатывали холодным душем рулевого Алексея

Севастьянова, нёсшего стояночную вахту на капитанском мостике. Пароход, прижавшись к высокой эстакаде левобережного причала, отстаивался от шторма. Судно точно в тяжёлом недуге стонало и поскрипывало.

Холодный, вперемежку с мокрыми хлопьями снега, дождь, ноябрьский штормовой ветер и ночная мгла... Только изредка вскинется к небу узкий луч прожекторов, покачается сверху вниз, поводит по сторонам — и оборвётся. Алексей вскидывает к глазам бинокль, напряжённо вглядывается в луч, а потом медленно сводит его книзу и прощупывает Волгу. Но тут бинокль бессилен: что разглядишь в этой чёрной, туманной водянистой мгле, заволакивающей всё вокруг?

Дальний мысок снова вскидывает кверху белую стрелу прожектора. Стрела вонзается в темноту, несколько раз обводит высь, а потом быстро падает на Волгу. Алексей плотно прижимает к глазам бинокль, водит его вслед за лучом. Теперь явственно виден дальний берег, гребни волн и... что это? У противоположного берега, почти против лощинки, из которой днём стреляют вражеские батареи, плывёт что-то чёрное, длинное, узкое. Луч прожектора остановился. Алексей напряг зрение. Плот! Тот самый плот, который прибуксировали с Камы для строительства зимних ледяных переправ. Его сорвало штормом с якорей и несёт к вражескому берегу.

— Вахтенный! Разбудить капитана!

Отдав распоряжение вахтенному матросу, Алексей бросается к левому крылу мостика и кричит через узкое горлышко машинного рупора:

— Готовсь к отходу!

Меньше, чем через минуту, на мостике появился Докукин. Алексей передал о случившемся и, не дожидаясь распоряжений, побежал в рубку, к штурвалу.

«Совкомбайн» нехотя оторвался от причала, переваливаясь с борта на борт, сделал поворот и устремился в темноту.

Вся команда была на ногах. На корме подготавливали стальной буксир и багры. Каждый уже знал, что случилось, каждый знал, куда идёт пароход.

На середине реки и ветер сильнее, и волна круче. У штурвала вместе с Севастьяновым стоит старый лоцман Фёдор Григорьевич Маркин. Сжав руками поручни и всем корпусом подавшись вперёд, вглядывается в штормовую ночь Докукин. Ни разу ещё не получал он от командования распоряжений итти вплотную к вражескому берегу. А вот сейчас сам пошёл: обстановка потребовала, чувство подсказывало, звал долг перед родиной и фронтом.

— Григорьич!—Севастьянов тихо обращается к лоцману Маркину.—Когда подвалим, я тебя здесь одного оставлю. Боюсь, как бы ребята с буксиром не задержались, вместе с ними на плот пойду.

— Ладно, Лёшенька, так-то лучше будет, быстрее управимся,—тихо соглашается старик.

Через несколько минут пароход подошёл к плоту. Ветром и течением плот почти прибило к лощине, в которой скрывались немцы. Шторм заглушал шум колёс, но действовать нужно было осторожно и быстро: враг в любую минуту мог обнаружить судно и тогда...

Вместе с Алексеем Севастьяновым на плот прыгнули ещё несколько человек. Волны ударялись о брёвна, окатывали людей с ног до головы, мешали закрепить буксир. Когда первая стальная петля плотно и туго обвила несколько брёвен, пароход отошёл от плота. Но люди не ушли на пароход: надо было сделать ещё несколько петель и потом, во время хода, внимательно следить за буксиром, чтобы его не вырвало волной, чтобы пароход не потерял плот и не пришлось бы повторять сложный манёвр заново.

В стороне лощинки что-то вспыхнуло и ударило. Через плот со свистом пролетел снаряд, потом второй и третий. Немцы заметили пароход и открыли по нему огонь. «Совкомбайн» повернул вправо и, сваливаясь на длинном буксире, очутился почти на середине реки. Ночная мгла и густой дождь скрыли его. Несколько снарядов разорвалось недалеко от плота. Люди залегли в воде между брёвнами.

Скоро обстрел прекратился. Шторм свирепствовал попрежнему. Севастьянов и его товарищи прижались друг к другу,— так было теплее.

К утру «Совкомбайн» установил плот у левого берега. Ценнейший материал, необходимый для зимних, ледяных переправ был вырван из-под самого носа у немцев.

***

До глубокой осени работал «Совкомбайн» на переправах. Под бомбёжкой вражеских самолётов, под артиллерийским и минометным обстрелом экипаж парохода доставил с левого берега на правый десятки тысяч людей, сотни тонн снаряжения и продовольствия. Были случаи, когда гибель парохода и буксируемых им барж казалась неминуемой, когда борьба с налетавшими бомбардировщиками могла окончиться трагически для судна, но израненный буксир продолжал свою славную работу.

Командование Сталинградским фронтом высоко оценило скромный и мужественный коллектив волгарей. Экипаж парохода получил несколько благодарностей от Военного совета фронта, а капитан Иван Иванович Докукин удостоен правительственной награды—медали «За боевые заслуги».

★

У ПЕРЕКАТА

Те же бакены стоят... Один красный, три белых... Тот же крутой берег, те же дали, такие же голубые, подёрнувшиеся прозрачной дымкой. Волга!

Ветер сорвал косынку с головы, треплет волосы, но женщина ничего не видит, не замечает.

...Вот тут, на берегу, я выросла... Сколько дней здесь прошло, сколько пароходов и барж проплыло мимо! Владимира узнала здесь, женой ему стала, вместе бакены зажигать выезжали...

К женщине тихо подходит девочка лет шести, цепляется ручонками за юбку и просит: «Мамочка, пойдём, к дому, я боюсь».

Женщина наклоняется, садится на траву и прижимает к груди девочку. Хочется утешить, сказать ласковое слово, да слёзы мешают. И что скажешь, что придумаешь? Перевезти ребят на лодке на левый берег? Нельзя! Приказ дан твёрдый: быть всё время на месте и в случае чего проводить пароходы ночью по затемнённому перекату.

Из-за далёкого мыса показалась точка. Она постепенно растёт, увеличивается, медленно приближается к перекату. Женщина внимательно следит за точкой, старается определить, какой идёт пароход,—пассажирский, буксирный или наливной. Две мачты впереди, труба сзади, — наливной!

К берегу подходят ещё двое ребятишек и молча садятся на траву. Женщина гладит их русые головки и тоже молчит.

Пароход приближается к перекату, уверенно огибает песчаную отмель, защищённую белым бакеном.

...В предвечернюю тишину врывается гул мотора. Он быстро усиливается, переходит в надрывистый вой. Низко, почти над головой проносится с страшным рёвом хищник. Женщина бросила ребят на землю, прикрыла их своим телом и зажмурила глаза. Воздух оглашает взрыв. Кто-то крикнул, ещё и ещё...

Женщина открыла глаза, повернула голову в сторону реки и в ужасе застыла. Волга горела! Пламя, вырывавшееся из трюмов парохода, тяжело опускалось на воду и расстилалось по реке громадным огненным ковром. Кричали на пароходе, звали на помощь.

— Посидите здесь!—женщина быстро поднялась, поцеловала плачущую девочку и бросилась к лодке. Огненный ковёр медленно подбирался к берегу. Женщина вскочила в лодку, оттолкнулась веслом в прибрежный песок. К лодке подбежали дети.

— Мама-а! Мамочка! Куда ты нас...

Что ещё кричали дети, женщина не слышала. Маленькая упала на песок и задёргала ножками, старший сынишка забегал по прибрежному песку. Там, за её спиной, кричали люди.

Лодка стремительно отвалила от берега. В лицо и на руки дохнул жар, но женщина гребла изо всех сил, лишь изредка закрывая глаза от едкого дыма.

Когда лодка на полном ходу подошла к подветренному борту парохода, женщина крикнула: «Прыгай!» Но в лодку никто не прыгнул.

— Раненых заберите! — крикнул ей кто-то с палубы. — Мы остаёмся здесь, тушить!

Восемь раненых разместились на дне лодки. Женщина оттолкнулась от борта и схватилась за вёсла. Двое стонали, один бредил. Рядом с ними сидели их товарищи. Они молчали. Тяжёлый взрыв оглушил их, помутил на некоторое время сознание, и сейчас, уже очутившись в лодке, они медленно приходили в себя, пытались понять, что случилось, почему они здесь.

Женщина гребла. Гребла и не слышала, как стонут раненые, не видала, как её открытые руки покрываются розовыми пятнами. Она стиснула зубы и напрягала последние силы.

Зашуршав днищем о песок, лодка уткнулась в берег. Женщина первой выскочила из лодки, подала руку одному раненому, потом второму, третьему. Тех, которые не могли сами передвигаться, вынесла на руках. Откуда сила такая взялась, она не знала. «Спасти, только спасти людей»,—больше она ни о чём не думала.

Своего сынишку, подбежавшего к лодке, она послала в деревню за помощью, сама же осталась на берегу вместе с ранеными. Один из них тихо застонал, подозвал женщину к себе. Она нагнулась к молодому побледневшему лицу, попробовала улыбнуться, ласково, ободряюще.

— Тётенька-а! Спасительница наша, — тихо простонал раненый. — Где мы сейчас... Кто ты?..

Женщина поняла, что раненый только сейчас очнулся от забытья и не знал, где он, кто с ним. Она опять ласково улыбнулась, погладила его руку и тихо ответила:

— Не бойся, голубчик. Это наш берег, тут все свои, а я—бакенщица со здешнего переката, Иванова, Марья Андреевна. Не слышал? Ну, ладно, родной, лежи, не шевелись. Сейчас помощь из деревни придёт... К себе возьмём, поправишься...

***

Это было, товарищ, на Волге, у деревни Акатовки, недалеко от Сталинграда, в августе тысяча девятьсот сорок второго года.

★

КАПИТАН РЕЙДА

Тридцать с лишним лет волгарит Иван Иванович Зимин. И матросом ходил, и маслёнщиком был, и шкипером работал, а в последние годы — рейдовым капитаном. Знают на Волге этого крепкого невысокого человека, его неспешную речь и неторопливую походку. Словно он никогда и никуда не торопился в своей жизни... Но в его спокойном обветренном лице, в маловыразительных движениях чувствуется какая-то внутренняя сила, — та сила, что идёт от волжских просторов, от широких солнечных плёсов, от величавых берегов.

Любит Иван Иванович Волгу. И труд любит. Не чурается он самой чёрной, невидной работы на реке.

— Ладно, сделаю!

— Ладно, сейчас!

За этой скупой фразой, произнесённой тягуче, будто он сердится, всегда скрывается уверенность: раз сказал—сделает! И удивительное дело: когда Иван Иванович брался за работу, все замечали в нём совершенно новые черты, новые позадки. Он точно перерождался. Движения его становились энергичными и смелыми, слова — ясными, точными, вескими. С ним работалось дружно. Товарищи уважали в нём скромность, простоту, немалый житейский опыт.

***

— Иван Иванович, понимаем, что трудно: немцы у самого завода рыщут, но увести оттуда суда надо. Надо!

Он вздохнул, переступил с ноги на ногу:

— Ладно, уведу как-нибудь...

Медленно пошёл к баркасу, спокойно поднялся по мосткам. Баркас тихо отвалил от берега.

Немецкие бомбардировщики летали над городом, сбрасывая тяжёлые фугаски. Чёрный дым полз по улицам и площадям. Иван Иванович стоял на мостике парохода рядом с капитаном, молчал, и только нервно подёргивавшиеся плечи временами выдавали его внутреннюю тревогу.

— Увести суда!—мысленно повторял он,—а как их теперь увести-то?

Он решительно тряхнул головой, точно отгоняя сомнения. Должно удасться и это дело!

Иван Иванович то посматривал на часы, хотя данное ему задание не было обусловлено каким-то определённым временем, то вглядывался в сумрачное небо, то долго смотрел туда, куда должен будет подойти баркас.

Ночь надвигалась быстро. Вот уже контуры берегов слились с тёмной водой,—в самый раз выходить. Что они там медлят с понтонным мостом? Неужели придётся ждать разводки?

Баркас развернулся и замаскировался за косой. С правого берега глухо доносилась артиллерийская канонада. Потом послышался нарастающий противный вой немецких самолётов, где-то близко заговорили зенитки, отсветы орудийных вспышек озарили свинцовую воду.

— Летят, окаянные!—произнёс Иван Иванович вслух и сердито выругался.

Но не успел он разобраться, откуда именно летят самолёты, как огромные водяные столбы взметнулись там, где в темноте угадывался мост. Долго стоял раскатистый гул над рекой.

Когда вражеские самолёты отбомбились, баркас пошёл к мосту. Моста не было. По чёрной воде плыли какие-то нечёткие предметы, доски, брёвна. Где-то в стороне едва заметно вырисовывались контуры оторвавшихся понтонов.

Попытаться проскочить сквозь образовавшуюся брешь, рискуя зацепить оторвавшиеся и плывущие по реке огромные куски дерева, или ждать?

— Жди не жди, а толку мало,— подумал Иван Иванович.— Ночь коротка, сейчас не пройдёшь—потом поздно будет.

Он направил баркас вперёд, вглядываясь глазами в реку, ища в темноте дорогу. Вот и чистая вода. Проскочили...

На правом берегу было тихо, хотя Иван Иванович точно знал, что противник вышел к заводской окраине.

Откуда-то с луговой стороны кричали:

— Куда, ирод, идёшь! Там немец!

Но баркас шёл туда, где была обманчивая тишина. Вот уже берег, вот тёмные громадины барж...

Тишина неожиданно оборвалась. Её оглушили орудийные выстрелы. Небо озарилось вспышками. Снаряды рвались у причалов, ложились недалеко от судна. Иван Иванович отдавал короткие распоряжения. Команда выхаживала якоря. Через несколько минут баркас шёл уже в обратный рейс. Поручение было выполнено.

Вдогонку бежала смерть: немецкие батареи не переставали ухать, снаряды с воем проносились над головой, рассекали воздух, падали в воду.

Ещё несколько секунд—и над рекой снова тревожная тишина. Баркас вышел из-под обстрела и пристал к левому берегу. Из-за холмов и низкого кустарника всходило солнце. Капитан сошёл на берег и устало лёг на песок. Только теперь он почувствовал, что голова у него отяжелела, глаза воспалены, а в ушах звенит. Хотелось спать. Но спать нельзя, надо итти в город и доложить.

— Ладно, потом отосплюсь,—решил Иван Иванович и, нехотя поднявшись, зашагал в сторону слободы.

С этого дня началась для Ивана Ивановича Зимина боевая сталинградская страда.

Всюду, где требовалась опытная и властная рука, видели Ивана Ивановича. Снять ли под ожесточённым огнём катер с мели, утащить ли из-под носа противника баржу, увести ли застрявший пароход, развести ли суда под погрузку и выгрузку,—всё это поручалось рейдовому капитану. Зимин не ждал теперь распоряжений диспетчерской, да и где её искать, эту диспетчерскую! Он сам принимает решение, если видит, что судну угрожает опасность, без устали рыскает на баркасе по рейду, высматривает каждый уголок, спасает государственное добро от огня и потопления.

25 августа он снимает с мели катер, работавший на прокладке кабеля, и спасает пароход «15 лет Комсомола», вышедший на помощь этому катеру и в свою очередь севший на мель. Вечером того же дня он спешит на выручку к пароходу «Грозный» и к баркасу «Капитан Иванищев», попавшим в тяжёлое положение. 26 августа он уводит из-под вражеского огня пароход «Марат», 27 августа снимает с мели большой пассажирский пароход. Нарком речного флота З. А. Шашков наградил его за это смелое дело значком отличника.

Это краткий обзор только трёх дней его фронтовой вахты. А сколько было таких дней!

Многое перенёс волгарь Зимин, мужественный и стойкий человек, с большим горячим сердцем. Здесь, на Волге, он вырос, здесь, на Волге, он защищал свою жизнь. Здесь он мстил за разрушенный очаг, за жену, изорванную в клочья вражеской миной, за любимую дочь, которую изувечили изверги.

— Нет у меня угла, нет у меня жены,—говорил Иван Иванович, — но есть у меня большой дом—моя родина.

Верным сыном родины он показал себя в дни сталинградской страды. Орден Красного Знамени приколот к груди капитана Зимина.

★

КОГДА ГОРЕЛА ВОЛГА

В эту тёмную ночь за десятки километров можно было видеть большие яркие языки пламени, поднимавшиеся вверх чёрные столбы дыма. Небо было плотно прикрыто тучами, казавшимися теперь неестественно розовыми, голубоватыми, фиолетовыми.

На берегу пылали нефтехранилища. Воду покрывал густой слой горящего мазута. По реке плыл огонь.

Катер «Четвёртый», взяв на борт несколько сот человек, направился к луговой стороне. Молодой капитан Борисов, его помощник Иночкин, механик Кошечкин, помощник механика — юноша Серёжа Белозёрский, как и остальные члены команды, находились на вахте бессменно уже несколько дней и ночей.

С тех пор, как враг подошёл к Сталинграду, команда катера многое перечувствовала и не раз смотрела смерти в глаза. Капитан неохотно вспоминал, первый рейс, когда им овладел страх перед смертью. Это была слабость, свойственная многим. Капитан не сразу преодолел её. Но, преодолев, шёл на самые рискованные задания, на самые отчаянные рейсы.

Он много раз ходил с левого берега на правый и возвращался обратно, и страшные картины, которые видел он во время рейсов, закалили, ожесточили его, наполнили сердце лютой ненавистью к врагу. Но ни одно событие за всё это время так не запечатлелось в памяти, как та ночь, когда горела Волга. Всем на судне хотелось сделать что-то большое, что-то такое, что способно было бы повернуть этот огонь туда, где зарылся в щелях и норах рыжий звероподобный немец, туда, откуда глядели на пожарище его стеклянные глаза.

Но что могло быть сейчас возвышеннее той роли, которая выпала на долю небольшого деревянного судна, где находились женщины, дети, старики, которых нужно было спасти от смерти, переправить через огненную реку?

Катер лавировал, ускользал от огня. Капитан и его помощник зорко следили за каждым плывущим предметом. Малейшая неосторожность, нераспорядительность могли повлечь за собой жертвы. И каждый член команды, от капитана до матроса, чувствовал, что в него впились сейчас с тревогой и надеждой десятки женских и детских глаз.

Когда плывущие горящие доски, брёвна, бочки оказывались уже за кормой, все облегчённо вздыхали. Пассажиры всё больше и больше проникались надеждой, что катер пройдёт, что команда приведёт его благополучно на левый берег. Но капитан и его помощник начали нервничать,—что-то неладное творилось в машинном отделении.

...Катер не раз в предыдущие рейсы попадал под бомбёжку, артиллерийские и минометные обстрелы. Однажды, когда он шёл с группой раненых бойцов, на него налетели немецкие самолёты. Они шли совсем низко, сбрасывая фугаски. От сильных взрывов и воздушных волн катер подбрасывало. Бомбы падали под корму, разрывались у бортов. Осколками была разбита кормовая каюта, появились пробоины в корпусе. Начало заливать машинное отделение. Раненые бойцы, забыв о боли, бросились помогать команде откачивать воду, заделывать дыры, и люди вышли победителями из этого поединка. Катер доставил бойцов на берег, но раны, нанесённые ему, дали себя знать: машина стала работать с перебоями.

В другой раз катер был обнаружен вражескими минометчиками. Как ни маневрировал капитан, судну не удалось ускользнуть. Прямым попаданием мины были повреждены левый борт и носовая каюта. Вот почему с тревогой прислушивались сейчас капитан и его помощник к ненормальной пульсации машины.

И тревога не была напрасной: внезапно мотор замолк. Некоторое время катер шёл по инерции, а затем его подхватило течение. Ветер гнал его на горящие озёра мазута.

Капитан бросился в машинное отделение. Лицо его покрылось красными пятнами, глаза лихорадочно блестели.

— А где же Кошечкин?—резко спросил он.

Но механик, несмотря на то, что не спал уже несколько ночей и мучительно устал, в критическую минуту оказался рядом со своим помощником. Сейчас он возился в полутёмном углу, исправляя повреждения.

— Сергей Михалыч, — раздался голос механика, — одна-две минуты — и как-нибудь пойдём. Вы только идите на мостик и следите, следите...

Через несколько минут снова заработала машина, и катер пошёл. Но эти минуты были для механика Кошечкина самыми значительными в его жизни. Он был честным тружеником, не боялся опасностей и шёл всегда им наперекор. В те мгновенья, когда от него зависело спасение жизни женщин, детей, стариков, бойцов, он призвал на помощь все свои знания, весь свой опыт. В свои скупые и точные движения он вкладывал клокочущую ненависть к врагу. Он победил.

Как только катер подошёл к песчаному берегу, Кошечкин поднялся на палубу из духоты машинного отделения. Лицо его было мокро от пота, по щекам, лбу и подбородку текли струйки. Он жадно вдыхал ночной воздух.

★

СЛАВА „ГАСИТЕЛЯ"

Город был объят пламенем пожара. Огонь распространялся с огромной силой. Чёрный едкий дым заволакивал небо, низко стлался над улицами и площадями.

В порту не было уже ни одной уцелевшей постройки. Горели и догорали лабазы, нефтехранилища, причалы. Ветер гнал огонь к берегу, к стоявшим здесь баржам и дебаркадерам.

В эти критические часы нужно было проявить особую стойкость и выдержку, не растеряться перед нависшей опасностью. Сталинградские речники бессменно несли вахту на берегу и судах. Они переправляли женщин, детей, стариков, раненых бойцов на луговую сторону, в слободу, эвакуировали ценное оборудование, спасали государственное добро. Десятки баркасов, катеров, моторных лодок шли от берега к берегу, сопровождаемые разрывами бомб. Но как ни бесились фашистские «юнкерсы», всё время охотившиеся за судами, им не удалось ни на минуту поколебать волю советских людей. Чем ожесточённее наседал враг, тем яростнее закипал гнев в сердцах волгарей, тем мужественнее они смотрели смерти в глаза. И каждый верил, что победа придёт, что она будет завоёвана. Десятки падут смертью храбрых, — сотни, тысячи поднимутся и станут на их место. Враг не пройдёт. Волга была, есть и будет русской, советской рекой!

— Не бывать немцу на Волге, — говорил себе Пётр Васильевич Воробьёв, — не бывать!

Старый капитан многое видел в своей жизни. Свыше сорока лет он плавает на славной русской реке. Когда пламя гражданской войны полыхало над Россией и полки белых рвались к Царицыну, Пётр Васильевич не сидел сложа руки. Он был горячим патриотом, и поэтому своё место нашёл в рядах тех, кто с оружием в руках отстаивал от врагов молодую Советскую республику. В те годы Пётр Васильевич командовал ледоколом «Каспий» и участвовал в операциях волжской флотилии.

ВОРОБЬЕВ П. В. — *капитан парохода „Гаситель", награждённый орденом Красного Знамени*

Честно воевал капитан Воробьёв, и слава о нём, как о патриоте-волгаре, сохранилась на многие годы. Когда рассеялся пороховой дым на фронтах гражданской войны, Пётр Васильевич остался на Волге. В мирном труде он показывал такие же благородство и доблесть, как в огне сражений. Орден «Знак почёта», вручённый ему в 1940 году, был выражением благодарности советского правительства старому капитану за его горячую преданность делу, за его отличную работу.

Мы часто встречались с капитаном Воробьёвым под Сталинградом. Это было уже в те дни, когда метровый лёд сковал могучую реку, а его судно вынуждено было бездействовать. Оно стояло в затоне напротив сражающегося города. Вернее, над льдом, сковавшим реку, торчали только труба и капитанская рубка. Там, на правом берегу, грохотали орудия, выли минометы. Сталинградские войска сжимали кольцо вокруг немецких дивизий, выкуривали фрицев из разрушенных заводов и домов. Советские

бойцы отвоёвывали квартал за кварталом, переулок за переулком, — заканчивалась историческая битва за волжскую твердыню.

Пётр Васильевич часами простаивал на льду у своего судна, любовно осматривал едва видневшиеся части корпуса, щупал дыры на трубе, что-то считал, а потом медленной походкой уходил греться в караванку, на берегу. При всех наших коротких встречах он был скуп на разговоры, неохотно рассказывал о себе, о своих славных делах под Сталинградом в осенние дни сорок второго года.

— Да что и рассказывать? — говорил он часто,—многое делали! Одним словом, делали всё, что нужно было.

«Всё, что нужно было», — эти слова наиболее точно выражали самоотверженность команды пожарного судна «Гаситель» и его капитана Петра Васильевича Воробьёва.

Старый волгарь был уверен в своём коллективе. Он его сплачивал годами в упорном труде. Лет восемь-девять назад на пароходе «Гаситель» побывал Алексей Максимович Горький. Он любовался сильными машинами, предназначенными для борьбы с огнём, но больше всего восхищался выучкой, ловкостью и натренированностью команды. Великий писатель тепло отозвался о людях, зорко охраняющих от пожара и гибели народное добро. На судне бережно хранили, как драгоценный аттестат, несколько строк, написанных рукой Алексея Максимовича.

В жаркие дни сталинградской страды команде «Гасителя» пришло время держать экзамен на мужество, стойкость, умение.

...Пароход шёл полным ходом к правому берегу, туда, где сквозь густой дым едва пробивались очертания города-воина. Ему был дан приказ ликвидировать пожар у пристани.

В воздухе ревели моторы вражеских самолётов. Прерывистый гул их нарастал и было уже видно, что три «юнкерса» приближаются к пароходу. Капитан Воробьёв пристально следил за небом, за курсом фашистских бомбардировщиков. Всё было ясно: противник заметил судно.

Недолго пришлось Петру Васильевичу глядеть на небо. Тяжёлые бомбы начали разрываться в воде, падая неподалеку от судна. За несколько минут на «Гаситель» было сброшено двадцать бомб, но ни одна из них не попала в цель.

Капитан Воробьёв не растерялся. Он ловко маневрировал между разрывающимися бомбами, уходя от опасности. Каждый член команды точно и быстро выполнял все приказания своего командира.

«Гасителю» удалось выйти из-под обстрела и скрыться в чёр-

ных клубах дыма, валившего с берега. Под прикрытием дымовой завесы он подошёл к пристани.

В огне с треском и грохотом рвались снаряды, во все стороны летели осколки. Пожар распространялся на соседние баржи. Медлить нельзя было ни одной минуты.

С ходу в брезентовых комбинезонах высадились на берег бойцы команды, быстро проложили рукавные линии и облили друг друга водой. Первым бросился в огонь начальник пожарной команды Нестеров, за ним, накинув на лицо мокрые фартуки, бросились другие.

Четыре часа длилась борьба с разбушевавшейся огненной стихией. Бойцы отрызались от тушения только на секунду, чтобы смочить свою одежду водой. Пожар был потушен.

В сумерках фашистские самолёты вновь обнаружили пароход. Они забрасывали его фугасными и зажигательными бомбами, строчили по нему из пулемётов. Корпус получил много пробоин, появилась течь, вышел из строя паровой штурвал, нарушилась звуковая сигнализация. Вся команда во главе с Петром Васильевичем отстаивала пароход от потопления. Вот пал геройски на посту механик Ерохин. Его заменил помощник Агапов. Контуженный рулевой, превозмогая боль, встал за управление ручным штурвалом. Экипаж не дрогнул. Капитан спокойно и хладнокровно командовал судном, отдавал чётко и ясно распоряжения, но сердце его билось, готовое вырваться наружу.

Мощные насосы парохода не приостанавливали своей работы ни на минуту. Огонь угрожает дебаркадеру, — пожарное судно у его борта борется с огнём, надо отстаивать завод, — «Гаситель» уже там, мощные струи из его шлангов сбивают пламя. Мускулы ломит от непосильной работы, люди почернели от копоти, у некоторых обожжены руки, обгорела одежда, но отдыхать нельзя.

«Гаситель» был и на переправах, перевозил с берега на берег людей и грузы, появлялся в других опасных местах, там, где требовалась помощь бесстрашных людей.

Алексей Максимович Горький имел все основания тепло отзываться о людях «Гасителя». Бойцы этого судна отважно дрались за родину, за Волгу. И доблесть людей пожарного судна была достойно оценена военным командованием: командование фронтом наградило капитана Воробьёва орденом Красного Знамени, механика Агапова и начальника пожарной команды Нестерова медалями «За боевые заслуги».

В один из осенних дней тысяча девятьсот сорок второго года в хуторе колхоза имени Фрунзе под Сталинградом прославленным волгарям вручались высокие награды. Сюда собрались отваж-

ные капитаны, механики, кочегары, матросы, судоремонтники. Они выстроились в шеренгу. На правом фланге первым стоял Пётр Васильевич Воробьёв. Ему первому был вручен боевой орден. И все его товарищи гордились тем, что именно он, Пётр Васильевич Воробьёв, один из старейших волжских капитанов, ветеран гражданской войны, активный участник сталинградской обороны, первым получил высокую награду.

★

ЗАВОД ПОД ЗЕМЛЁЙ

На заводском дворе собрался митинг. Рабочие шли из цехов группами, молчаливо собирались к трибуне, установленной на площадке перед котельным цехом.

ЧЕКУШКИН И. — *парторг ЦК ВКП(б) на Сталинградском судоремонтном заводе, награждённый орденом Красной Звезды*

Дробно стучали зенитки, где-то рвались бомбы. Над правым берегом стлался дым.

Горел Сталинград.

Накануне парторг завода Чекушкин, прибыв из города, собрал актив и рассказал о положении под Сталинградом. Его речь была скупа, но ясна. Каждый понимал, что означал выход

врага к заводским посёлкам Сталинграда. Теперь об этом шла речь на митинге.

Рабочие дали клятву родине бороться до последней капли крови за родную Волгу, за любимый город.

С этих августовских дней заводские будни стали ещё более напряжёнными. Люди стали и дисциплинированнее и дружнее. Тот, кто ещё вчера давал одну норму, сегодня стал работать за двоих, за троих. Открыто смотреть своему товарищу в глаза мог тот, кто не жалел сил, не знал устали: так выросло чувство коллективной ответственности.

Над посёлком и заводом всё чаще появлялись фашистские бомбардировщики, выли сирены, падали фугаски.

Настала боевая страда. Под огнём воздушных пиратов, под разрывами артиллерийских снарядов и мин одни стали у станков, другие — на крышах, третьи гасили пожары. На заводе люди работали, здесь же проводили тревожные ночи, забываясь чутким и недолгим сном.

Патриоты привыкли к опасности. Когда однажды потребовалось срочно доставить баржу с готовыми изделиями на тот берег, в рейс через Волгу отправилась группа рабочих во главе с коммунистом Ситняковским. «Юнкерсы» кружились над берегом. Заводской баркас с баржёй шёл среди фонтанов, поднимаемых взрывами бомб, но люди сделали своё дело.

Немцы зажгли те цехи завода, которые находились на правом берегу. Начальник цеха коммунист Куница с рабочими Никитенко и Трояном спасли из огня ценные документы и ящики с инструментами и доставили их под обстрелом на левый берег.

...Поселковая баня находилась неподалёку от завода. По старой привычке сюда приходили местные жители с чистыми узелками. Но теперь всех приходивших помыться ждало разочарование: баня была закрыта. У дверей стояла девушка.

— Нынче баня, видать, не работает? — спрашивали жители.

— Баня сегодня выходная! — скупо отвечала девушка.

Выходной день в бане длился, однако, долго. Но баня работала! Днём и ночью работала: здесь был оборудован один из новых цехов завода. Здесь изделия, готовившиеся для фронта, завершали теперь свой путь перед отправкой на фронт. Раньше это делали на заводе на городском берегу, но завод сгорел.

Однако там, в подвалах сгоревших цехов, остались тысячи готовых изделий, которые необходимо было пропустить через последнюю, ответственную операцию.

И вот тёмной ночью группа работников во главе с директором Заславским и главным инженером Ройтером под огнём отправилась на заводском баркасе к территории сгоревшего завода.

В хаосе разрушенного оборудования судоремонтники нашли свои изделия и в течение четырёх ночей перевезли их на левый берег, в баню.

Для работы в новом цехе отбирали лучших и преданных людей. В большинстве это были женщины и девушки. Работу цеха возглавил энергичный мастер, стахановец Озчинников.

Руководители завода, партийная организация, весь коллектив жили в эти дни делами «бани».

Ловко работали девушки. Тон задавала судоподъёмщица Клавдия Рубцова. Часто можно было слышать её звонкий голос:

— Девушки, милые, давайте поскорее!

И работницы спешили. Вскоре они стали выполнять нормы специализированных заводов. Завод выпускал 270—300 изделий. «Баня» сначала давала 200 штук, потом 500—600 и, наконец, 1200!

Через несколько дней рабочие завода получили возможность проверить качество своей продукции. Крепко запомнили её гитлеровские бандиты, ворвавшиеся в кварталы родного Сталинграда.

Посёлок и завод подвергались систематическим налётам: что ни день, то две-три бомбёжки. Вражеские бомбы, артиллерийские снаряды и мины обрушивались на заводские цехи, жилые дома, на пароходы и баржи, стоявшие в затоне. Люди самоотверженно боролись с огнём, спасали станки, машины, отстаивали всё, что можно было отстоять, от испепеляющего огня. Сталинградские судоремонтники делали своё дело. Если нельзя было стоять у станка днём, работали ночью. Заводоуправление перебралось в блиндаж. На наблюдательных постах несли сторожевую вахту стахановцы завода. Так продолжалось некоторое время, но стало очевидным, что завод больше работать уже не сможет. Нужно было перевести его куда-нибудь в более безопасное место.

Ещё дымилась заводская труба, ещё гудели уцелевшие станки в цехах, а в тринадцати километрах от завода, на хуторе колхоза имени Фрунзе, началась новая, необычайная работа. Многие тогда повторяли слова:

— Нельзя будет работать на земле, зароемся временно в землю...

Завод стал работать под землёй. Появились землянки-цехи, землянка-электростанция, землянка-столовая, землянка-баня. За короткий срок под землёй вырос новый городок, шутливо названный рабочими «копай-город».

Отсюда посылались летучие бригады на фронтовые переправы для срочного ремонта повреждённых судов, для подъёма затонув-

ших пароходов и паромов, для установки понтонов. Неутомимо работал начальник судоподъёмного цеха Шарипов, которого днём встречали на одной перепразе, а вечером — на другой. Плотники Ушанов и Аблеев, механик Лысенко, котельщик Грачёв, слесарь Жирнов и многие другие кадровики завода забыли, что такое сон и отдых.

Хутор колхоза имени Фрунзе быстро приобрёл популярность среди воинских частей. О нём знали на фронте, и регулировщики многочисленных фронтовых дорог, затерявшихся в Ахтубинской пойме, безошибочно показывали, как туда проехать. Шли на хутор грузовики, легковые автомобили, мотоциклы. Здесь их «лечили», меняли детали, возвращали к жизни.

Когда лёд сковал Волгу и инеем разукрасились ахтубинские леса, завод перевели на «зимние квартиры» в Булгаковский затон. Отвердевшая от январских морозов земля звенела под кайлами строителей нового «копай-города». На скатах неглубоких оврагов появились первые землянки. Под землёй снова заработали кузница, литейная, электростанция, хлебопекарня. Опытные мастера утеплили эти подземные цехи; в жилых землянках люди старались создать хотя бы самые элементарные удобства.

Новый адрес завода быстро узнали фронтовики. Сюда за десятки километров приезжали представители волжских частей с различными заказами.

Суда стали на отстой. Они работали до последней возможности и вмёрзли в лёд, где их застал мороз. Их надо было ремонтировать. Заводские мастера, стахановцы и инженеры разъезжали по зимовкам, чтобы на месте установить объём работ, помочь советом, делом. Следом за ними на суда пошли бригады слесарей, плотников, судоподъёмщиков.

Снова ожила заводская контора. Ежедневно сюда собирались после работы начальники цехов, ответственные исполнители, чтобы подвести итоги рабочего дня и наметить план работы на следующий.

В заводском парткабинете, размещённом в просторной землянке, собирались токари, слесари, котельщики. Здесь можно было послушать последние известия по радио, прочитать последний номер газеты. Сюда часто приходили стахановцы и ударники. Их приглашал парторг. Здесь горячо спорили о нормах, критиковали начальников цехов и мастеров, вносили свои предложения.

Серьёзное новоззедение появилось по инициативе директора завода инженера Заславского. У судов, работавших в ледовых условиях, особенно часто ломались гребные колёса. В кузнечном

цехе создалось напряжённое положение: кузнецы не справлялись с изготовлением колёсных деталей. Директор предложил костыли и полубабки изготовлять не кузнечным способом, а путём сварки. Дело пошло на лад.

Большим событием явился пуск парового молота, установленного в землянке. Теперь кузнец Марченко вместо трёх костылей для гребных колёс давал за смену десять.

***

Второго февраля завершилась историческая битва за Волгу, за Сталинград.

Ещё в дни окружения немецко-фашистских войск под Сталинградом уцелевшие цехи и жилые помещения завода начали постепенно оживать. Люди приезжали сюда, осматривали родные углы, прикидывали, строили планы. Теперь восстановительные работы закипели во-всю. Очищали цехи от обломков железа и кирпича, собирали уцелевшее оборудование. Первым был пущен цех ширпотреба, возрождалась жизнь и в других корпусах. Но завод под землёй продолжал ещё служить главной базой для ремонта и восстановления флота в горячую преднавигационную пору.

Никогда не изгладятся из памяти народной дни сталинградской обороны. Среди больших дел миллионов советских людей, не жалевших своей крови во имя отчизны, будут записаны в историю доблесть и отвага волгарей — капитанов и механиков, портовиков и путейцев, останутся в истории героические будни коллектива Сталинградского судоремонтного завода, который ушёл под землю и оттуда помогал фронту громить немецких бандитов. Рядом с именами прославленных генералов и полковников, лейтенантов и солдат будут начертаны имена героев трудового фронта, мужественно и бесстрашно нёсших вахту на горящей сталинградской земле. И с новой силой прозвучат слова песни 62-й армии:

...Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари...

★

ШКИПЕР МАШИНЦЕВ

За небольшим луговым хутором Скудры от широкой Волги ответвляется тихая и мелководная Ахтуба. Спокойно течёт она в летнюю пору меж пологих берегов, поросших густым кустарником, меж задумчивых ив и зелёных берёз. Только изредка нарушит тишину деловитый рокот

моторного баркаса или пассажирского трамвая, — и снова тихо. Кажется, что нет такой силы, которая могла бы разбудить это лесное безмолвие, это таинственное молчание притихшей реки...

В знойные дни конца августа тысяча девятьсот сорок второго года немцы подобрались к Сталинграду. Озарились пожарищами густые ахтубинские леса. Ожила и Ахтуба. Задумчивый шелест камышей и вечернее кряканье пугливых уток-нырков заглушали рокот моторных катеров, баркасов, громкие голоса людей.

Ахтуба готовилась к бою!

На берегах со сказочной быстротой сооружались погрузочные причалы. Отсюда, доверху нагружённые боеприпасами, продовольствием, воинской техникой суда шли вверх, к Волге, к тем берегам, куда стремился враг...

***

Осенью стал ощущаться недостаток в судах. Часть катеров, баркасов и плашкоутов была потоплена, некоторые отстаивались в далёких затонах на ремонте, а те, что обслуживали переправу, не успевали выполнять суровые требования фронта. Меньше стало судов и на Ахтубе. На берегах скапливались грузы.

Однажды к начальнику Среднеахтубинской пристани Чернобаю пришёл шкипер Машинцев. Он долго мял фуражку, пропустил вне очереди нескольких посетителей и лишь тогда, когда остался один на один с Чернобаем, нерешительно проговорил:

— Андрей Григорьевич, с просьбой я пришёл: включи мой плашкоут в перевозки, — грузов-то вон сколько накопилось!

— Включить плашкоут в перевозки? — переспросил Чернобай. — Слушай, Фёдор Михалыч, да где же я тебе людей возьму? Ведь, чтобы твой плашкоут починить, нужны плотники.

Машинцев стал убеждать, что плотникам на его судне дела всего на два-три дня, что он сам поможет им.

— Нет, не могу, не уговаривай, Фёдор Михалыч, — ответил Чернобай, — рад бы, да не могу.

— Ну что-ж, сам отремонтирую, — сказал Машинцев и вышел твёрдой торопливой походкой.

***

Чуть брезжил осенний рассвет, ещё перекликались в дальнем колхозе третьи петухи, а у старого плашкоута уже стучал топор и шуршала пила. Работал Машинцев не один: вместе с ним трудились его жена Фаина Прокопьевна и шестнадцатилетний сын Александр.

Старый шкипер побывал во многих местах и достал доски и

гвозди, куски листового железа и старые пеньковые концы для конопатки. На третий день ремонт палубы и деревянных сланей в трюмах был закончен.

Наиболее трудным делом оказалась набивка заплат из листового железа на подводной части бортов. Плашкоут накренили на один борт, соорудили плотик, но это не намного помогло: прибить нижние концы листов не удавалось.

— Полезу в воду, — сказал Машинцев жене. Жена молчала. Знала, что если этого не сделать, многодневный труд окажется напрасным.

Толстые гвозди, наглухо прижимая металлические листы, легко и податливо впились в деревянное тело плашкоута. Быстро взмахивал ручник, одна за другой ложились к почерневшим доскам заплаты. Больше двух часов пробыл Машинцев в холодной, почти ледяной воде. А когда вылез из воды и оделся, обошёл вместе с женой и сыном весь плашкоут, заглянул в каждый уголок и, удовлетворившись проверкой, начал готовиться к рейсу.

Утром следующего дня он явился к начальнику пристани и с некоторой торжественностью заявил:

— Готов к плаванию, товарищ! Присылай буксир, пусть ведёт!

С тех пор и до самого ледостава бегал плашкоут шкипера Машинцева из одного пункта в другой, перевозил бойцов и продовольствие. Не раз фашисты посылали на плашкоут свои снаряды, не раз от фашистских «зажигалок» занимался на палубе пожар, но шкипер Машинцев вместе с женой и сыном продолжали нести трудную фронтовую вахту.

***

...Отгремели на Волге бои. Тихо сейчас на Ахтубе. И снова так же задумчиво, как и много-много лет назад, шелестят камыши, да крякнет раз-другой пугливый нырок. Изредка нарушит эту тишину рокот моторного баркаса или речного трамвая.

Если придётся вам побывать здесь, приглядитесь к плашкоутам, — маленьким деревянным судёнышкам, и найдите среди них тот, на бортах которого написано «№ 096». Это и есть плашкоут шкипера Фёдора Михайловича Машинцева. Когда отгремели бои и отодвинулся фронт, шкипер Машинцев вместе с женой и сыном, которому пошёл уже семнадцатый год, капитально отремонтировали своё судно и сейчас совершают рейсы между приахтубинскими колхозами и Сталинградом.

На Ахтубе всем знаком этот плашкоут, — скромный труженик в дни героической сталинградской эпопеи. Спросите, и каждый расскажет вам здесь о старом шкипере.

★

НОЧНОЙ РЕЙС „КУЗНЕЦА"

Приказ о подготовке к рейсу капитан Александр Степанович Ананичев получил ранним утром из рук майора, приехавшего на маленьком катере. Уже по тому, что доставил его сам майор, Ананичев понял, что предстоит что-то необычное, важное.

Приказ был прочитан в красном уголке, в присутствии всего комсостава судна. Буксирному пароходу «Кузнец» было поручено доставить из отдалённой мелководной воложки к центральной переправе два парома. Фарватер шёл у самого правого берега. Немецкие миномёты и орудия, установленные на горе, подвергали ураганному обстрелу всё, что плыло по реке, и наши суда в том районе почти не ходили.

Капитан, его старший помощник и механики молча выслушали приказ. Майор передал развёрнутый листок Ананичеву и, быстро переведя свой взгляд с капитана на остальных присутствовавших в красном уголке, спросил:

— Так как, товарищ капитан, пойдём в рейс?

Ещё не окончив последних слов, майор понял, что допустил бестактность, задав такой вопрос. На него удивлённо глянуло несколько пар глаз.

— Напопятную от немцев не ходили и итти не собираемся!— громко, с обидой в голосе ответил капитан.

— Верю!—сказал майор,—и, обращаясь к остальным, добавил:

— Если нужна какая-либо подготовка, займитесь, а мы с капитаном кое о чём потолкуем.

Майор и капитан остались в красном уголке одни. Вынув из полевой сумки карту и ведя по ней карандашом, майор говорил о деталях разработанного плана рейса. Капитан видел знакомые контуры волжских берегов, небольших островков, узенькой змейки мелководной воложки. Вот этим путём должен пройти «Кузнец» с караваном, вот здесь немцы, несомненно, откроют минометный и артиллерийский огонь, а здесь, чуть повыше посёлка...

— Понимаете теперь, — продолжал майор, указывая острием карандаша на маленький овальный кружочек. — В двадцать три ноль ноль, — ни минутой раньше, ни минутой позже, — вы должны быть у этого островка. Это, конечно, трудно, но иначе никак нельзя.

***

До отхода оставалось меньше четырёх часов, но один из серьёзных вопросов не был ещё разрешён.

Осадка «Кузнеца» на двадцать сантиметров превышала глубину фарватера воложки, и это больше всего тревожило Анани-

чева. Как быть? Сначала решили разгрузиться от ненужных деталей и инвентаря, но когда произвели точный расчёт, поняли, что судно от этого на двадцать сантиметров не поднимется. Механик Володин предложил уменьшить запас топлива.

Меньше чем через час к борту «Кузнеца» подошёл военный тральщик, за ним другой и ещё несколько мелких судёнышек. Встав к борту парохода, они высасывали из его цистерн горючее.

До отхода оставалось совсем немного времени. Предстояло выполнить ещё одну, совсем несложную, как казалось капитану, задачу. На судне вместе с мужьями находились их жёны, некоторые с малолетними детьми. «Пассажирок» как бывало раньше, среди них не было ни одной: каждая выполняла работу или матроса или кочегара, а одна, сдав на отлично экзамены, плавала рулевым. Однако обстановка сейчас требовала, чтобы некоторые женщины покинули судно, — такозо было распоряжение.

...— Маруся! Пойми, товарищ дорогой, что это не моё и не капитана желание, — говорил Марии Долининой, плававшей на «Кузнеце» кочегаром, старший помощник капитана Михаил Иванович Кононов.

Долинина и сама понимала, что распоряжение исходит не от капитана, но как покинуть судно, товарищей, да еще в такой момент?!

— Выходит, что теперь не нужны, неспособными вдруг стали! — с обидой отвечала она Кононову. — По минам ходить могли, отбиваться от самолётов тоже умели, а сегодня вдруг не годимся? Не уйду с судна, что хотите делайте!

Только продолжительный разговор в капитанской каюте разрешил этот спор. Капитан отказывался, отнекивался, ссылался на полученное распоряжение, но в конце концов уступил: Мария осталась на пароходе.

Со слезами на глазах ушла на берег работавшая матросом Мария Белова. На «Кузнеце» оставались её муж — первый помощник механика Василий Белов и шестнадцатилетний сынишка — кочегар, самые родные, близкие и любимые. Проводил по трапу своего двенадцатилетнего сына пожилой матрос Газенпуд, ушли ещё несколько женщин с малыми ребятами.

***

Ровно в шестнадцать ноль ноль, как указывалось в приказе, «Кузнец» и его караван отошли от берега.

— Ну, товарищ капитан, — проговорил стоявший рядом с ним на мостике помощник капитана Горностаев, — теперь только вперёд!

— Только вперёд — и никуда больше! — ответил стоявший у штурвала молодой рулевой.

Сгущались сумерки. Постепенно терялись очертания берегов. Надвигалась тёмная ноябрьская ночь. Обогнув острозок, караван вышел на Волгу. Правый берег пылал пожарами. Их неверный, колеблющийся отсвет играл на свинцовой воде. В небе гудели самолёты. Далеко за кормой упал снаряд, потом ближе к судну, с левого борта, второй. «Значит, не шальные, а прицельные. Могут накрыть!»—пронеслось в голове Ананичева.

— Лево на борт! — скомандовал он рулевому.

«Кузнец» резко метнулся в сторону. Меньше чем через минуту в том месте, где только что был караван, взметнулся столб воды.

— Рано, черти, заметили, — говорит капитан своему помощнику Коненову. — Горностаев, сколько там сейчас?

Тот уходит в рубку, включает зелёный глазок карманного фонаря и, вглядываясь в крохотную картушку ручных часов, кричит:

— Двадцать два сорок восемь!

— Хорошо, успеем, отвечает капитан и, потрясая кулаками в сторону правобережной крутой горы, добавляет: — посмотрим, стервец, что через двенадцать минут скажешь!

Сейчас с горы стреляли редко. Немцы ждали. Они отлично знали, что фарватер проходил чуть ли не у самого её подножья, и караван не мог итти другим путём. Прошли посёлок, о котором утром говорил майор. За посёлком густой лесок...

— Двадцать два пятьдесят восемь,—говорит помощник. «Кузнец» подходил к лесу. Капитан смотрит туда. Помощника рядом нет. Зажав рукой фонарик, он следит за медленным бегом секундной стрелки.

Над лесом взвилась зелёная ракета, медленно перевернулась где-то в высоте, рассыпалась искрами и погасла.

— Двадцать три ноль но...

Последнего слова помощника на мостике не слышат: воздух потряс грохот орудий, свист пролетевших над судном снарядов, тяжёлые взрывы мин. Это стреляли советские батареи. Это они, в соответствии с разработанным планом, о котором утром говорил майор, били по врагу, чтобы отвлечь его внимание и дать возможность каравану пройти к переправе.

Загребая плицами холодную осеннюю волну, «Кузнец» на полном ходу прошёл вдоль горы, над которой сейчас рвались наши снаряды и мины.

— Запрятались куродавы! — протянул вслух капитан.

— Теперь им некогда, — добавил помощник. — Жарко у них там, жарко!

А в это бремя по многим проводам шли запросы:

— Где «Кузнец»? Как проходит караван?

...В два часа пополуночи было получено донесение:
— Паромы доставлены. «Кузнец» ушёл в обратный путь...

**
*

Буксировщик шёл полным ходом. Безотказно работали механизмы, от которых ни на минуту не отходил старший механик Володин. Не пришлось раскаиваться в том, что Мария Долинина осталась на судне: она стояла на вахте, и пар ни на секунду не спускался с марки: весь экипаж понимал, что впереди ещё сложный и опасный путь.

Яркие ракеты временами освещали реку. Вот вспыхнула одна, ещё одна, ещё и ещё... «Кузнец» обнаружен! Снова заговорили вражеские миномёты. Мины ложились у борта, проносились над пароходом и гулко разрывались поблизости. Осколки сыпались на палубу, пробивали тонкие стенки жилых надстроек. С горы, вдобавок, заговорила вражеская артиллерия.

Всю силу и волю напрягал в эти трудные минуты капитан Ананичев. «Кузнец» зигзагами метался по реке, резко менял ход. Вот и мыс. Ещё мгновенье и судно миновало зону обстрела.

— Прорвались! — облегчённо вздохнул старпом Конюнов, — из-под самого носа ушли.

Из мглы всё яснее вырисовывались очертания берегов. Над Волгой занималась осенняя заря...

★

ПУТЬ БЫЛ ОДИН

Дивизия была прижата с трёх сторон к узкой полоске земли в районе заводов: она занимала в глубину на небольшом прибрежном клочке вдоль Волги всего 150—200 метров. Весь этот клочок земли был исклёван снарядами, бомбами и минами, всюду чернели воронки, наполненные холодной осенней водой. Неподалёку громоздились исковерканные вагоны, цистерны, изуродованные паровозы.

Бойцам нужно было доставить все необходимое немедленно, до ледостава, пока ещё оставалась какая-то возможность для судов пробиться к берегу.

Путь был один: он лежал через узкую ложбинку, вход в которую находился под непрерывным обстрелом противника. Чуть заметное движение на воде или на противоположном берегу тотчас вызывало бешеный огонь врага. И только этим единственным путём пробирались суда той памятной осенью.

...Мы идём вдоль изрытого берега. Вот сюда, к этому месту,

где в хаосе сплелись проволочные заграждения, где валяются изрешечённые железные бочки, перевёрнутые кузова грузовиков, к лёгким, наспех сооружённым причалам, подходили катера и баркасы. Немыми свидетелями разыгрывавшихся здесь трагедий остались торчащие из воды носы разбитых катеров, обломки кормы, обгоревшие дымовые трубы.

В те предзимние дни воды в воложке было мало, и мелкая россыпь, растянувшись на большое расстояние, затрудняла проход судов с большой осадкой. А пробраться к осаждённой группе поручено было глубокосидящим катерам, которые здесь раньше никогда не ходили. Люди, находившиеся на этих судах, не знали местных особенностей. Им нужен был лоцман, который знает в совершенстве каждую излучину реки, каждый куст на берегу, знает дно и глубины так же, как каждый угол своего родного дома. Им нужен был лоцман, который обладал бы крепкими нервами, смелостью и хладнокровием. Такие люди были на Волге. Они росли и мужали, как мужали в тяжёлой битве бойцы Людникова и Горохова, Родимцева и Батюка.

* *
*

Противник непрерывно обстреливал переправу, где тёмными ночами совершал рейсы баркас «Ерик» со своим неизменным спутником — дощаником «Связист».

«Ерик» доставлял бойцам снаряжение, продовольствие и обмундирование. К вечеру приготовляли воз, ночью команда совершала переход и с рассветом возвращалась на луговую сторону.

В машинном отделении «Ерика» возился механик Василий Иванович Анисимов. Во время походов он неотлучно находился на вахте у машины. Плотные брезенты не пропускали сюда воздуха — было душно, одуряюще пахло машинным перегаром. Василий Иванович был строг, придирчив, аккуратен и даже в эти часы следил за тем, чтобы кончики пышных усов всегда были лихо закручены кверху.

— По фасону всё! — подшучивали над ним товарищи.

Небольшой коллектив был спаян чувством долга и ответственности. Это была боевая дружба, сцементированная волей и решимостью преодолеть любые трудности, дружба, родившаяся и окрепшая в суровых испытаниях на переправах.

Во время одного ночного похода был ранен матрос Миша Лебедев, шестнадцатилетний бойкий паренёк. Его доставили в госпиталь и сделали операцию. А через несколько дней Миша уже снова был на борту баркаса.

— Не хочу лежать на койке, — сказал он, — лучше с судна буду ходить на перевязки!

Особенно привязался Миша к капитану Николаю Ивановичу Езушину. Ему нравилось, что капитан молод, а всегда такой спокойный и хладнокровный, ничего не боится... Миша присматривался к повадкам капитана, следил за каждым его шагом. Отец Миши, капитан парохода «Маяковский», настойчиво звал сына к себе на судно, но Миша отказывался: он хотел самостоятельности.

Крепкая привязанность молодого матроса к капитану только более ярко выражала отношение всей команды к своему командиру: любили и уважали Езушина на «Ерике».

...«Ерик» отвалил от берега. Впервые команда шла в такой рейс и с таким грузом. Верили в удачу, но готовы были и к смерти. Не успел баркас выйти из Ахтубы на широкую гладь Волги, как залаяли шестиствольные миномёты.

Езушин пристально всматривался в чёрную даль, откуда враг вёл огонь. На палубе было тихо, только негромкий голос капитана изредка нарушал эту тишину.

Разрывы учащались, подбирались к баркасу. Вот разорвалась мина в нескольких метрах от корпуса, вот вторая легла у носа, третья — у правого борта, четвёртая — под кормой. Они ложились в шахматном порядке.

— Третья не попала, четвёртая не угодила, — подумал капитан, а пятая, того и гляди, поднимет на воздух.

Он мгновенно принял решение и круто повернул баркас к Зайцевскому острову. Однако и здесь судно оказалось под огнём. Капитан несколько раз менял курс. Лишь во втором часу ночи баркас оказался у цели.

Как на грех, изменилась погода. Над рекой навис густой туман. В этой сразу возникшей непроницаемой мгле нужно было обнаружить причал для выгрузки тяжеловесов. Капитан был уверен в себе: он ведь знал каждый уголок рейда, чувствовал дыхание берега, помнил все его ориентиры. Но сейчас всё исчезло в тумане.

Капитан подвёл баркас к тому месту, где, как ему казалось, должен быть причал. Он не ошибся: действительно был здесь причал. Но сейчас его не оказалось. Накануне он был разбит артиллерийским огнём.

Николай Иванович решил спуститься ниже к лёгкому причалу. Когда медленно начал пробиваться сквозь мглу рассвет, груз уже был на берегу.

Теперь предстоял обратный путь. Баркас отвалил от правого берега. Небо всё более и более светлело. Рассеивался туман, явственнее становились очертания предметов на противоположной стороне. Вот уже совсем близко левый берег, вот знакомый изгиб, островок. Но в это время баркас был замечен противником

и снова посыпались снаряды и мины. Капитан стал чертить ломаные линии по воде. Враг стрелял прямой наводкой с Мамаева кургана. Один снаряд пошёл под корпус и от сильного взрыва судно резко покачнулось. Посыпались стёкла в каютах.

— Спокойствие! — раздался голос капитана.

Когда команда вышла на берег, многие заметили, что руки капитана в крови, а осколками стёкол порезано всё лицо.

— Товарищ капитан, — взволнованно спросил, подходя к Николаю Ивановичу, Миша Леонтьев, — что с вами?

Но капитан махнул рукой и пошёл по дорожке к блиндажу командного пункта. Только несколько часов спустя товарищи узнали, что капитана оглушило во время взрыва и он не расслышал даже вопроса.

***

Езушина вызвали в штаб флотилии. О нём здесь уже хорошо знали. На столе лежала карта. Начальник штаба водил по ней остро отточённым красным карандашом и временами делал пометки: здесь нужно будет итти, здесь надо выйти к правому берегу, а вот сюда пристать: ориентир — 150 метров выше водокачки.

Над картой склонились командиры кораблей, и каждый ещё раз хотел представить себе путь к осаждённой дивизии. Когда всё было ясно, один из старших начальников задал Николаю Ивановичу вопрос:

— Сумеете выполнить?

Молодой капитан ответил не сразу, хотя и был готов выполнить любое задание. Сейчас он ещё раз проверял себя.

— Сумею! — коротко ответил он.

...К узкой полоске правого берега вышли катеры флотилии с боеприпасами и вооружением. Николай Иванович находился на головном катере. Шли, как в таких случаях принято говорить, благополучно: в них немного постреливали, одиночные мины взрывали воду.

Но и капитан Езушин, ставший теперь лоцманом, и командиры судов, которым он прокладывал путь, знали, что самое трудное впереди, что именно там, где начнётся мелкая россыпь, где фарватер реки приблизится к вражескому берегу на 400 метров, начнутся «весёлые» минуты. Вот тогда и будет решать каждая мелочь: и небольшое отклонение от курса, и малейшая задержка в принятии того или иного решения, и секундное колебание.

Едва только головной катер, раздвигая льдины, подошёл ко входу в воложку, как противник открыл беглый огонь. С катеров

ответили орудия. Артиллерийская канонада оглушала, мешала сосредоточиться. Но ведь не впервые капитану приходилось её слышать. Глаза его впились в темень ночи, едва улавливая очертания берегов.

Огонь не прекращался, но враг оказался бессильным преградить путь броневым катерам: они шли вперёд.

— Вот она! — вдруг громко произнёс Езушин, и все посмотрели туда, куда, как им казалось, обращён его взор.

Берег Волги, где стояли насмерть гвардейцы генерала Родимцева

Это была водокачка, точкой обозначенная на штабной карте. Езушин вывел караван абсолютно точно.

Немцы продолжали неистовствовать. Но после ответных метких орудийных выстрелов замолчала одна, потом вторая вражеская пушка.

Группа бойцов уже помогала разгружать катера. Под покровом ночи суда ушли в обратный рейс.

Враг понимал, что с наступлением темноты наши катера снова появятся, и приготовился к очередной встрече каравана.

Как и в первый раз, едва только катера подошли к мелкой россыпи, заговорил немец. Уже совсем близко разорвался снаряд. На головном катере, где, как и в предыдущую ночь, находился капитан Езушин, насторожились: катер, шедший вслед за головным, начал уклоняться в сторону. Значит, случилось что-то неладное! Застопорили ход, подошли. Оказалось, что осколками

упавшего рядом снаряда был убит боцман и тяжело ранены командир судна и рулевой.

Несколько секунд командир дивизиона стоял молча, обнажив голову, потом он взглянул на Николая Ивановича.

— Поведёте катер, — сказал он.

Езушин стал у штурвала израненного катера. Он работал сейчас особенно зло. Сердце кипело от гнева. Перед его глазами неотступно стоял убитый боцман. Ему хотелось хоть чем-нибудь облегчить страдания тяжело раненых товарищей. Но в эти минуты он мог сделать только одно, — довести до конца то дело, которое они выполняли.

— Мы ещё вернёмся! — крикнул кто-то из краснофлотцев.— Не запугаете, сволочи!

И в следующую ночь снова вернулись наши военные катера. Они снова везли боеприпасы фронту.

В третий раз противник открыл огонь, когда уже шла разгрузка. Никто не приостановил работу. Вот разорвалась тяжёлая мина у самого носа головного катера. Езушин слышал её гулкий протяжный свист, когда шёл по палубе с ящиком гранат.

Только бы не в ящики, — мгновенно пронеслась мысль. В следующую секунду он упал грудью на ящик. Так пролежал он в забытье несколько секунд, а когда очнулся, осторожно ощупал ящик с гранатами. Нестерпимо болела правая рука, на рукаве алела кровь.

Преодолевая боль и нахлынувшую слабость, Николай Иванович поднялся и зашагал к рубке.

— Ранен, — сказал он спокойным голосом командиру, стоявшему на палубе.

Езушина немедленно отвели в машинное отделение и сделали перевязку. Но через несколько минут он уже снова появился в рубке.

...Сопровождаемые автоматными очередями суда флотилии возвращались на свою базу. Они шли по изведанному уже пути, и каждый командир, каждый краснофлотец чувствовал, что он обязан этим молодому капитану, болгарю Николаю Ивановичу Езушину.

***

Вскоре мы встретились с Николаем Ивановичем на Ахтубе. Он только что вернулся из госпиталя, где пробыл всего несколько дней. Тянуло на родное судно, к товарищам.

— Не выдержал, решил лечиться на месте...

★

СКВОЗЬ ЛЬДЫ

С виду оба выглядели молодцевато, особенно буксир «Краснофлотец». Его широкая и высокая труба, гордо вскинувшаяся над мостиком, свидетельствовала о немалой мощи котлов, широкие плицы указывали на мощность машин, а острый форштевень с выкинутым далеко вперёд бугшпритом говорили о судне, как о незаурядном ходоке. Правильные тонкие обводы баржи, шаровый цвет её металлического корпуса тоже говорили за себя.

Однако, приехавшего на судно военного инженера, никогда не полагавшегося на внешнюю сторону любого предмета или сооружения, бравый вид обоих судов мало интересовал. Инженер осведомился, действительно ли мощность котлов соответствует величине дымовой трубы? Достаточна ли сила машины для того, чтобы без напряжения вертеть громадные гребные колёса.

— Кстати, сколько лет вашему «Краснофлотцу», дазно ли он Волгу бороздит? — спросил инженер, спускаясь с капитаном по узенькому трапу в форпик.

Фёдор Николаевич Челышёв, капитан «Краснофлотца», в товарищеских беседах с капитанами-волгарями обычно первым напоминавший о преклонных годах своего судна, на этот раз несколько промедлил с ответом: может быть ответ изменит ход событий, которыми жил в последние три месяца коллектив, и, чего доброго, полковник прикажет отправить судно в низовья реки? Нет! Отсюда уходить они не собирались. Здесь, на переправе, питающей фронт всем необходимым, они провели самые горячие дни своей жизни, здесь, может быть впервые, они так ощутимо познали всю силу своей любви к родной Волге, которую вместе с Красной Армией защищали от немца, здесь в первый день прихода на переправы они приняли торжественную клятву быть до последнего дыхания на своих постах — и вдруг уйти! Да ещё в такой момент, когда наши двинулись в наступление! В самые тяжёлые дни, в часы самых суровых испытаний они были здесь и останутся сейчас. Мысли капитана прервал старческий кашель и скрипучий оклик откуда-то сверху, с той стороны, где белел маленький квадратик открытого люка: «Фёдор Николаевич, а Фёдор Николаевич! Здесь, что ли?»

— Слушаю вас, Иван Матвеевич, — проговорил Челышёв, несколько двигаясь навстречу спустившемуся по трапу старичку.

— Вы старшим механиком здесь? — спросил инженер вошедшего.

— Да как вам сказать, товарищ... — ответил тот. — Старшим механиком я уже отплавал своё. Малость староват стал;

слух не тот, да и сноровки старой нет, а для машины нужен тонкий слух, — вот и решил походить в помощниках.

— Да-а, — протянул инженер, — годы всегда берут своё. Небось много за плечами?

— Немало, мил человек. Седьмой десяток пошел.

— Да-а, многовато, — снова задумчиво протянул инженер. — В такие годы отдых каждому необходим. Хороший, заслуженный отдых...

ЧЕЛЫШЁВ Ф. Н.— *капитан парохода „Краснофлотец", награжденный медалью „За отвагу"*

* * *

Слова «заслуженный отдых» и чаще всего прибавлявшиеся к ним слова «почётная старость» хорошо были знакомы Ивану Матвеевичу. Ещё в тысяча девятьсот тридцать восьмом году его вызвали в бассейновый комитет речников и торжественно вручили путёвку на курорт, не забыв при этом сотню раз упомянуть о заслуженном отдыхе и почётной старости. От путёвки Иван Матвеевич не отказался, хорошо отдохнул на Чёрном море, окреп, поправился, но, приехав домой, наотрез отверг предложение перейти на пенсию по старости лет.

Вне судна себя Иван Матвеевич не представлял, да, попросту говоря, и не помнил. Лет пятьдесят назад, совсем мальчиком, пришёл он на буксирный пароходик матросом, за долгие годы сжился с Волгой, полюбил её.

Но «главная деталь» всё чаще и чаще начинала работать с перебоями. Даже прохладными августовскими ночами Матвеича нестерпимо давила духота, а в жаркую пору вдруг одолевал озноб. Старик стал реже спускаться по узеньким трапам в машинное отделение, но хозяйства своего не забывал. Устроившись на скамейке, покойно облокотившись на поручни, он долгими ночными часами просижизал так, прислушиваясь к ритмичному дыханию главной машины, к мерному постукиванию электродвижка и ровному гудению форсунок.

Весной тысяча девятьсот сорок первого года Матвеич впервые не пошёл в плавание. Зазимовав на своём буксире в одном из камских затонов, он отремонтировал механизмы, навёл сверкающую чистоту в машинном отделении и кочегарке, а недели за две до выхода в рейс после долгих и тяжёлых раздумий сказал капитану:

— Плавать нынче без меня пойдёшь. Механизм мой староват стал, на консервацию просится.

На «консервации» Матвеич пробыл, однако, недолго. Сидение на берегу без работы, связанной с рекой или с судовыми механизмами, давило больше, чем старость, чем приглушённый, не дававший ночами покоя, кашель. После трёх месяцев, показавшихся длиннее, чем вся прожитая жизнь, Матвеич устроился линейным механиком в затон и с ещё большей страстью отдавал все свои силы, весь свой богатый опыт любимому делу.

...На полях Украины и Смоленщины, в карельских лесах и в скалах далёкого Мурмана полыхала война. С фронтов приходили тревожные вести. Мимо затона шли караваны судов, палубы которых были загружены станками, турбинами, сотнями деталей различных наименований и назначений. Бывая иногда на таких судах, Матвеич внимательно присматривался к деталям и медленно перечитывал коротенькие надписи, сделанные мелом, белилами, охрой. Эти наспех написанные слова говорили об оставленных городах, о разрушенных цехах заводов, о большом человеческом горе.

Матвеич стал молчаливее, угрюмее. Вечерами, приходя домой, он долго просиживал у стола над развёрнутой газетой. Рано утром он уходил в затон, в полдень появлялся на четверть часа в столовой. Допоздна внимательно осматривал детали, делал какие-то пометки в своей клеёнчатой записной книжке. Время для команды ремонтируемого судна исчислялось только одним понятием, — уходом в рейс в срок, указанный Матвеичем и принятый на коротеньком производственном совещании всего экипажа. И ни разу не было, чтобы отходной гудок прозвучал позже этого срока.

...Великая русская река и один из лучших её городов, слава которого полыхала на знамёнах боёв памятного тысяча девятьсот девятнадцатого, оказались в опасности. На защиту Волги, на защиту Сталинграда поднялась вся необъятная наша страна.

По широким степным дорогам к волжским берегам двинулись колонны танков и грузовиков. Дни и ночи громыхали лафетами тяжёлые орудия, проходили маршевым порядком сибиряки, уральцы и вологодцы, пермяки, ашхабадцы и тамбовцы, вихрем проносились на машинах отважные гвардейские подразделения. Кама посылала своей старшей сестре пароходы для переправ, безостановочным потоком несла на себе караваны, груженные боеприпасами, снаряжением, продовольствием. На судах, идущих к сталинградским берегам, уходили камские речники и, уходя, клялись до последнего своего дыхания защищать вместе с Красной Армией город и Волгу.

Придя в один из поздних вечеров домой, Матвеич не взялся, как обычно, за газету. Усевшись за стол и пододвинув поближе лампу, он долго чинил карандаш, покряхтывал легонько, а потом долго-долго сидел над листком бумаги, осторожно вырванном из ученической тетради. Письма Матвеич писал редко, поэтому созревшее несколько дней назад решение написать сыновьям, находящимся на фронте, оказалось не так легко и просто выполнимым. Матвеич смотрел на беленький листок, искал нужных слов, но вместо них по листку проплывали, точно в тумане, невидимые тени прожитых дней и событий. Наконец, карандаш вывел первую строчку. В комнате стояла тишина. Писал Матвеич медленно, старательно выводил каждое слово, силясь в нажим линий вложить глубокое откровение своих дум. Далеко за полночь, когда в тёмных окнах показался зеленоватый свет зари, под последней строчкой была поставлена подпись. Старик перевернул листок и прочитал написанное от начала до конца.

«Родные сыновья мои!

Много времени прошло с того дня, как мы с матерью проводили вас на фронт. Не думалось мне тогда и не гадалось, что доживу до такого горя, как сейчас к нам стучится. Как же допустили вы врага к кормилице нашей Волге? Послушайте же наш с матерью наказ: деритесь с немчурой не на-жизнь, а насмерть, защищайте землю свою родную так, как защищал её ваш брат Петенька. Неделю назад от комиссара его части нам с матерью письмо пришло с Ленинградского фронта. Петя в засаде был и на него задание возложили засесть за бугорочек, который энской высотой назывался; и следить оттуда за немцами, а к себе немца не допускать. Сколько он там просидел, не знаем, — не пишет комиссар, но двинулись на этот бугорок шесть

немцев. Перестрелка пошла. Троих Петенька на месте уложил, а остальные убежали. А потом к нему целая немецкая рота двинулась. Стрельба, видать, страшная была. Отбивался он сколько мог и немцев тьму уложил. Ранили его и патроны кончились. Тогда взял он гранаты и их кидать стал. Немцы отступили малость, но от одной гранаты осколок Петеньке в грудь ударил. Когда подкрепление подошло, он уже с жизнью прощался и велел товарищам, чтобы отписали нам с матерью, жене Наташе и сыночкам Серёженьке и Павлику, что умер он за землю свою родную и за родимого товарища Сталина. Похоронили нашего сыночка у той высоты и называется она теперь не энской, а по фамилии нашей.

Деритесь на бранном поле так, как Петенька дрался. Не запятнайте его светлой памяти.

И еще сообщаю вам, что из нашего затона ушло на Волгу к Сталинграду много пароходов. Через пару дней уходит туда буксир «Краснофлотец», на котором капитаном Челышёв Фёдор Николаевич — может помните? На «Краснофлотце» одного помощника механика нет, а в такое ответственное дело без него никак нельзя. Когда я в отдел кадров явился, мне сказали, что там работы много будет и для жизни опасно, а года, мол, мои старые, и лучше сидеть мне на месте. А я, конечно, ответил, что года хотя, верно, и немолодые, но сил предостаточно хватит, чтобы Красной Армии помочь в её деле. И хотя, может, там и сильно страшно и, может, смерть принять придётся, но приму её с гордостью, потому что Волгу родную и землю нашу защищать иду.

Так я там сказал, так и вам говорю.

Кланяемся вам с матерью и шлём добрые пожелания, благословляя на победные дела.

И ещё один совет отцовский. Идя в бой или в защите находясь, помните всегда про бугорочек на ленинградской земле, которому наша фамилия дана. Всегда помните!

Крепко вас обнимаю, мои голуби.

Ваш отец».

На следующий день два конвертика со старательно выписанными адресами были отправлены на далёкие боевые рубежи, до-подлинное местонахождение которых скрывалось за короткими цифрами номеров полевых почтовых станций. А ещё через два дня Матвеич, попрощавшись с женой-старушкой, ушёл на «Краснофлотце» в рейс на Волгу, к сталинградским переправам.

...На окраинах города шли тяжёлые бои. На паромах и баржах, на катерах и буксирных пароходах тыл переправлял фрон-

ту всё необходимое для защиты, для победы. Враг зорко следил за переправами, ни на один час не прекращал он обстреливать их из орудий и миномётов, осыпать с самолётов фугасками. Но переправы работали!

В орудийном грохоте и в пламени, в разрывах бомб и непрекращающемся вое мин, в постоянном напряжении прошли три месяца. Над Волгой, над израненным Сталинградом, загулял декабрьский ветер. У берегов появилась извилистая лента первого тонкого льда. Со дня на день ожидался ледостав.

Враг ещё находился на сталинградской земле. Теперь он был в кольце, которое с каждым днём сжималось всё туже и туже. В предсмертной агонии немцы обрушивали всю мощь своего огня на переправы: уничтожение переправ казалось им единственным способом удлинить сопротивление, отодвинуть страшные часы возмездия и расплаты.

Величайшего напряжения требовали эти дни от волгарей.

На «Краснофлотце» деятельно готовились к плаванию во льдах. Члены палубной команды под руководством старшего помощника капитана Александра Ивановича Смолина заделали пробоины цементом и досками, установили изготовленные своими силами деревянные и металлические конструкции для дополнительного крепления корпуса. Машинная команда, пользуясь короткими стоянками у причалов, успела заменить несколько износившихся деталей. Маслёнщики и кочегары в свободное от вахты время изготовили запасные части для гребных колёс, — самой уязвимой части судна при плавании во льдах.

Многие на «Краснофлотце» удивлялись, откуда столько силы взялось у Матвеича, столько бодрости и энергии. Старик почти не выходил из машинного отделения: то его видели в дальнем тёмном углу проверяющим фланцы трубопровода рулевой машины, то его низенькая фигура маячила у слесарных тисков, то вдруг его промасленная фуражка появлялась из-под парового котла, где он тщательно проверял изоляцию. И вдруг...

...«в такие годы отдых каждому необходим... хороший, заслуженный отдых»...

Иван Матвеевич заморгал глазами, сделал шаг к инженеру, и, силясь не выдать своего волнения, проговорил:

— Вы. . вы шутите, товарищ дорогой! О каком таком отдыхе можно речь вести, когда немец ещё у Волги бродит, когда мои сыновья и зятья на фронте с немчурой дерутся, грудью своей отечество защищают... Нет, мил человек! Не за тем мы в девятнадцатом под Царицыном с Врангелем и Деникиным дрались, чтобы в сорок втором Сталинград немцу отдать...

Старик стоял маленький, морщинистый в промасленной

куртке, неловко свисавшей с плеч. Инженер медленно ступил ближе к старику, положил руку на его плечо, как кладут взрослые сыновья любимому отцу, и тихо сказал:

— Я совсем не хотел вас обидеть, родной. Силы в вас, благородной, прекрасной силы, куда больше, чем это показаться может. С такой душой годы не страшны.

Иван Матвеевич отнял свою руку от груди, положил её на руку инженеру и тоже мягко, с какой-то нежностью, поблагодарил, потом снял руку и, точно вспомнив о чем-то, добавил:

— Нет, вы уж, пожалуйста, мои годы в расчёт не берите: мы ещё поплаваем и ещё как поплаваем! А тем более в такую пору, как сейчас!

— Хорошо, отец, — после долгого раздумья ответил инженер. — Вот поговорим с капитаном, выясним кое-что, а тогда решим, и, направившись к трапу, добавил: — однако предупредить должен: тем, кто останется здесь, работа предстоит куда серьёзнее, чем раньше. Время подошло зимнее, но деньки будут горячие.

Инженер пробыл на судне ещё около двух часов. Мало было таких уголков и отсеков, где не побывал бы он вместе с Челышёвым и не осмотрел бы всё долгим, внимательным взглядом. Строгий порядок и воинская подтянутость членов экипажа радовали его. Радовало то, что ни один из этих людей, с которыми он перекидывался короткими фразами во время осмотра, не обмолвился об отдыхе, об уходе на дальнюю зимовку, о нечеловеческих трудностях работы на переправах. Наоборот, каждый из них хвалил свой пароход, перечислял его достоинства, говорил о необычайной способности работать во льдах и даже о том, что в случае необходимости их «Краснофлотец» превратится в такой грозный корабль, что немцам лучше не подбираться близко.

Услышав заявление о грозном корабле, инженер улыбнулся.

— Весёлый народ эти кочегары, — сказал он капитану. — Думается, что случись заминка во льдах, такие на руках пароход вынесут. Ну... и во всяком случае можно заранее тому немцу не завидовать, который вот таким в руки попадётся. Так, что ли?

— Верно, товарищ инженер! — подтвердил капитан. — Только не одни кочегары такие: все волгари одинаковый характер имеют. Волгарь к широким просторам привычен, Волгу он любит и волю любит и за них на смерть драться будет.

***

Всё смешалось в эту ночь: орудийная канонада и грохот нагромождающихся друг на друга льдин, свист ветра, дующего вот

уже вторую неделю откуда-то из-за Урала, и пронзительное завывание мин, урчанье моторов, закованных в бронированные коробки танков, и стоны раненых бойцов. Красными, зелёными и фиолетовыми строчками чертили небо трассирующие пули зенитных пулемётов, тигантскими дугами вонзились в высь ракеты. С треском рассыпались где-то над головой светящиеся «фонари», сбрасываемые вражескими самолётами, и тогда дрожали мерцающим ледяным цветом пологий берег, деревянные сваи погрузочных причалов, корпус и надстройка буксира, заиндевевшие ветви берёз и люди, — десятки, сотни людей в шинелях, ватниках, полушубках, меховых телогрейках.

Ещё с вечера вражеские самолёты обнаружили новую переправу и сейчас направили туда всю мощь своего огня. Погрузка временно прекратилась, но каждый находившийся здесь понимал, что это не давало права отодвигать срок выполнения приказа командования, предусматривающего завершение переброски находящихся здесь подразделений и приданной к ним техники к шести ноль ноль завтрашнего утра.

За час до полуночи капитану Челышёву пришло от коменданта переправы коротенькое распоряжение: «Буксиру «Краснофлотец» с баржой перейти на новый участок, на полтора километра ниже». Такое же распоряжение получили и командиры подразделений.

Челышёву хорошо было знакомо это место. Там, за крутым поворотом берегов, где стояли оставленные ещё с осени понтоны наплавного моста, было надёжное укрытие от огня противника. Но как подойти туда? К какому месту установить баржу? Крутые берега отделялись от воды широкой песчаной отмелью, забитой сейчас льдом. Чем больше вспоминал Челышёв это место, тем упорнее работала мысль: как туда подойти?

Медленно отошёл «Краснофлотец» от причала. За ним на коротком буксире двинулась баржа. К общему, ни на одну минуту не прекращающемуся гулу добавился скрежет металлических плиц о лёд, шипение пара, выпускаемого продувными клапанами, и несколько коротких прозвеневших на баке ударов в колокол, означающих, что якорь поднят.

Челышёв стоял на мостике, держась за медную ручку машинного телеграфа, которая, в зависимости от того, был ли впереди лёд или тёмная полоска чистой воды, ежеминутно перескакивала с «полного» на «малый», со «стоп» на «средний». В громадном тулупе, из-под которого чуть-чуть виднелись носки валенок, в меховой шапке, сдвинутой почти на глаза, капитан походил на гигантского медведя, стоящего на задних лапах и занесшего одну переднюю над добычей.

Пароход подходил к месту, где у крутых берегов начиналась широкая песчаная отмель. Капитан поднёс левой рукой рупор к губам и крикнул в сторону бака:

— Вахтенный! Как глубины?

Разорвавшаяся где-то в вышине ракета осветила на мгновение берега, палубу буксира и поднятую на баке тонкую полосатую намётку. Через несколько секунд ракета погасла, а холодный ветер донёс из темноты высокий девичий голосок:

...Десять с половино-о-ой!

А меньше, чем через полминуты, снова:

— Одиннадца-ать!

— Раиска на вахте, — прислушиваясь к знакомому голосу, подумал капитан. — И это в такую ночь! А почему в «такую»? Разве вчерашняя была не такой, а лучше? Разве все те девяносто ночей или дней, которые они провели здесь на переправах, были другими?

— Десять с половино-о-ой!

Ударивший ветер оборвал последние звуки и унёс их вместе с налетевшим снежным вихрем куда-то в сторону.

...А всё-таки лучше бы не брать её в такое плавание: ни спокойного сна, ни отдыха человеческого... Не устоял против просьб, — взял на судно... Ещё тогда приятели шутили: «отец — капитан, дочка — рулевой, сын — матрос. Возьми ещё жену — старшие механики, — и семейный экипаж скомплектован».

— Девять с половино-о-ой!

...Жена осталась дома, а вот Раиска и Геннадий плавают с ним. Ей пошёл шестнадцатый, ему — четырнадцать. Оба любят реку, знают каждый хуторочек от Астрахани до Горького... Да и как не знать? Ведь и родились-то на волжских плёсах. Раиска на пароходе «Сильный», а Генка на «Микуле Селяниновиче».

— Восемь с половино-о-ой!

...А всё-таки лучше бы не брать или в крайнем случае отправить на зиму домой, к матери. Зря не сделал так! Зря похвастался несколько дней назад полковнику: «Не команда, а орлы!» Ну какой она орёл? Чижик, пуночка... Есть такая птичка заполярная, где-то слышал о ней. А-а... Вспомнил: читал стихотворение, посвящённое папанинцам. Хорошие слова: «И пуночки плачут о вас»... А Геннадий? Тот и в чижи не годится: таракан!

— Восе-эм!... Семь с половино-о-ой! — доносил с бака порывистый ветер.

Глубины терялись. Поднимая и кроша тяжёлыми плицами лёд, пароход подходил к песчаной отмели. С берега временами едва долетал на мостик приглушённый рокот моторов, скрежет

танковых гусениц, далёкие, неясные голоса людей. Здесь было спокойнее: враг не знал о перебазировке переправы, разрывы снарядов и вой мин остались позади.

Где-то близко рассыпалась ракета, осветила на миг берег, чёрные точки понтонов, людей, копошившихся возле них, и погасла. Из темноты донеслись неясные, протяжные голоса команды:

— Навали-и-ись! Взяли-и-сь!

Но потом голоса резко обрывались и, судя по тому, что за ними не слышно было обычных в таких случаях дружных «пошёол, пошё-о-ол!» — становилось ясным, что то, на что наваливались, упирались плечами и спинами, стояло на месте, как припаянное.

— «Наверное хотят из понтонов плавучий причал сделать,— подумал Челышёв. — Только зря надрываются: куда проще легонько буксиром дёрнуть». — И, повернувшись в сторону бака, крикнул:

— Вахтенны-ый!

Маленькая фигурка рванулась с бака к трапу, в несколько минут преодолела полтора десятка металлических ступенек и, как только показалась меховой шапкой над палубой капитанского мостика, звонко ответила высоким знакомым голоском:

— Есть, вахтенный!

Проворству Раиски всегда дивились: и в школе, где она была первой заводилой, и дома, где её звали «стрекозой-непоседой», и здесь, на судне, где не раз при тушении «зажигалок» выручала её сноровка, и даже бойцы в окопах, переправлявшиеся через Волгу на «Краснофлотце», не раз потом вспоминали: «Ну и матросик! Не девчина, а молния!»

Челышёв, всегда относившийся на судне к дочери и сыну с подчёркнутой строгостью, не мог сейчас скрыть улыбки. «Верно, что стрекоза. Будто ветром вынесло на мостик». Но «стрекоза» не заметила в темноте этой улыбки, не уловила своим тонким девичьим слухом какой-то нежности в отцовском голосе. Ночной декабрьский ветер метнул в сторону и унёс в темноту обычные слова команды:

— Вызвать всех наверх, приготовиться к спуску шлюпки и завозке буксира на берег!

Девушка звонко повторила слова команды, лихо повернулась на одной ноге и вихрем метнулась обратно, в сторону трапа.

Десять минут спустя шлюпка со стальным буксиром отвалила от борта к берегу. Рулевой Павлуша Зиновьев и пожилой матрос Александр Яковлевич Кашкин, упираясь багром в лёд, прокладывали путь шлюпке. Старший помощник Смолин,

стоя на корме, правил громадным веслом, а у его ног мелькали руки Раисы, распускавшей и выкидывавшей за борт стальные кольца буксира.

Метрах в пятидесяти от парохода и примерно в таком же расстоянии от берега шлюпка остановилась: багры тщетно упирались в лёд: тонкая корка легко впивала в себя острие, податливо разбивалась под ударами тяжёлых вёсел, но с предательским упорством не пускала шлюпку ни на один метр вперёд.

— Застряли,—коротко и невесело произнёс стоявший на носу шлюпки третий помощник капитана Можнов, — приехали!

Стальной виток буксира, готовый минуту назад нырнуть в воду, неподвижно повис на борту.

— Придётся, пожалуй, пешком добираться,—другого выхода нет...

Эту мысль, которая была на уме у каждого находившегося в шлюпке, первой высказала вслух Раиска.

— Давайте, я пойду,—предложил Павел Зиновьев,—не ночевать же здесь...

Кашкин связал несколько легостей, длиной метров по двадцати пяти каждая, прикрепил один конец к буксиру, а другой отдал Павлу. Зиновьев осторожно закинул ноги на лёд, попробовал его крепость, а потом, выставляя впереди себя багор, двинулся в сторону берега. Лёд здесь был крепкий, приплывший сверху, но метрах в тридцати от берега он перешёл в тонкий недавно смёрзшийся наст. Павел попробовал сбойти наст стороной найти где-нибудь лёд потолще,—тщетно! Тогда он лёг и пополз. Лёд треснул, выпустив на поверхность тёмную холодную воду. Не поворачиваясь, Павел пополз обратно. Он добрался до шлюпки мокрый, в липком снегу, злой:

— Никак не держит. Трещит, как стекло,—и крышка!...

В шлюпке стало тихо. Свистел ветер, шелестела снежная позёмка на льду, а люди молчали. И снова первой нарушила тишину Раиска:

— Александр Иваныч,—звонко и решительно обратилась она к старшему помощнику Смолину,—а что если мне попробовать? Павел вон какой тяжёлый, а я лё-о-гонькая!

Этот певучий голосок вывел всех из раздумья. Отворачивая лицо от жгучих ударов ветра, Смолин недоумённо протянул:

— Ты что, девушка, в своём ли уме!

Но иронический ответ нисколько не смутил Раиску. Она пододвинулась к самому смолинскому полушубку и настойчиво уговаривала:

— Александр Иваныч, родненький! Вот вы боитесь, а я скажу вам, что это ничуть не страшно и даже не опасно... Знаете,

Александр Иваныч, когда мы зимовали однажды на Белой, нам с ребятами приходилось в соседнюю деревню в школу бегать. Недалеко,—километра два с половиной. А по дороге речка была. Осенью надо было через неё по мостику ходить, но это было дальше. Как только появлялся первый ледок, мы стали прямиком бегать. Лёд то-о-оненький, а мы ляжем на него и ползём. И переползали. Интересно было!.. Александр Иваныч, разрешите мне!

Смолин слушал девушку, сидевшую рядом с ним, и думал: «А что, если и вправду, разрешить?.. Нет, опасно! Он повернулся в сторону судна, точно желая получить оттуда хотя бы какую-нибудь помощь или услышать совет. Но пароход безмолвным чёрным пятном стоял в стороне, его палубы казались безжизненными. Решать приходилось самому и решать быстро.

— Хорошо! — сказал он Раиске. — Бери легость, но пойдёшь не одна, — вместе пойдём.

Первую половину пути, где был толстый лёд, прошли легко, но толстый лёд быстро окончился,—впереди лежал ровный смерзшийся наст.

— Подожди здесь,—сказал Смолин.—Надо проверить, где лучше пробираться.

Раиска осталась, а Смолин ушёл. Он ползал вдоль кромки, тыкал багром, гладил ладонью. В одном месте матово-чёрный наст неожиданно кончился,—за ним лежала чуть-чуть в бугорках ледяная поверхность, запорошенная снегом. Смолин с силой воткнул багор. Лёд глухо ответил, но не поддался. Смолин осторожно сделал несколько шагов вперёд — лёд держал. Так добрался он почти к самому берегу. Почти... Дальше снова лежала узкая, шириной в каких-нибудь восемь-девять метров, матово-чёрная полоска молодого наста.

Он вернулся обратно и взял с собой Раиску. Она привязала к плечу конец лёгости, легла на лёд и поползла. Смолин видел, как быстро преодолела она первые пять-шесть метров, как легко перебирала руками по снежной поверхности—точно плыла. Потом он услышал треск и вскрикнул... тёмная фигурка Раиски провалилась. Он лёг на лёд, быстро пополз вперёд, но вдруг остановился,— не поверил тому, что увидел: поднявшись во весь рост, Раиска, почти по пояс в воде, двигалась к берегу... Потом он увидел её уже на берегу. Она что-то крикнула и убежала в ту сторону, где находились понтоны, и скоро вернулась вместе с бойцами. Тоненькая змейка лёгости натянулась, быстро поползла к берегу, за нею, шурша о лёд, пополз буксир.

Минут двадцать спустя «Краснофлотец» сделал первый лёгкий рывок. Понтоны податливо двинулись вперёд...

Когда «Краснофлотец» подошёл к вновь установленному плавучему причалу, на его палубу вскочила маленькая фигурка в длиннополом армейском полушубке, в громадных валенках и, стараясь быть незамеченной, метнулась в сторону носового кубрика. Но её остановил голос капитана, нежный и ласковый:

— Раиска! Подойди, родная!

Девушка не успела оглянуться, как почувствовала, что её лицо охватили дрожащие руки, и на секунду замерла под горячим отцовским поцелуем.

***

До шести ноль ноль оставалось пять с половиной часов. Становилось ясным, что этого времени для перевоза всего намеченного нехватит. Но было ясно и другое: приказ должен быть выполнен!

После окончания первого рейса к противоположному берегу Челышёв послал вахтенного матроса к коменданту переправы. Тот пришёл несколько минут спустя, и в первый момент Челышёву показалось, что комендант явился не с берега, где кружился и выл декабрьский ветер, а из жарко натопленной бани: лицо коменданта было яркокрасное, а по лбу текли струйки пота.

— Ну, как, капитан? — первым спросил комендант, — есть возможность выполнить всё к сроку? — и не дождавшись ответа, продолжал, — надо найти такую возможность, любыми средствами найти!

После рейса у Челышёва созрел план. В ответ на вопрос он решил высказать его...

Комендант молча и внимательно слушал, потом быстро поднялся со стула, подошёл к Челышёву, положил обе руки на его плечи и весело проговорил:

— Понятно, понятно, дорогой капитан! Всё ясно, как на ладони... Вместо того, чтобы добавить ещё парочку судов, которых, кстати, у нас с вами сейчас нет и не будет, вы отказываетесь даже от половины того, что имеется? Но и я вижу в этом действительно единственный выход!

Несколько минут спустя вся команда «Краснофлотца» и большая группа бойцов взялись за дело.

Когда на палубе не осталось ни одного предмета, без которого можно обойтись при коротких рейсах с одного берега на другой, когда были расклепаны даже буксирные арки и сняты стойки, началась погрузка. Вслед за четырехколесными повозками на палубу вкатывались походные кухни, за ними, тихонько урча моторами, начали въезжать полуторатонки. Шофёрам, несмотря

на старания и ловкость, никак не удавалось развернуть машины в узком проходе. Тогда бойцы подхватывали машины на руки, разворачивали их в воздухе и бережно устанавливали на корме одна к другой.

Погрузка, короткие рейсы сквозь тяжёлый лёд и выгрузка на дальнем берегу не прекращались ни на мгновенье, вернее, одно заменялось другим, но самый придирчивый глаз не уловил бы и не нашёл потерянной зря минуты.

В пятом рейсе, когда на востоке чуть посветлел над самым горизонтом краешек неба, редевшую темноту прочертила ракета, за ней другая, потом повисли над рекой огненные тюльпаны светящихся «фонарей». Враг искал переправу. Мерцающий свет озарил чёрную цепочку понтонов на левом берегу, стоявшую недалеко баржу, заснеженный корпус «Краснофлотца», пробивающегося сквозь лёд. Минут через двадцать воздух пронзил вой мотора пикирующего самолёта, сверлящий свист и гулкий грохот подброшенного в высоту льда. Бомба разорвалась намного впереди, немного вправо от курса. Меховая варежка оторвалась от ручки телеграфа, а губы передали в узенькое горлышко машинного рупора:

— Вперёд, самый полный!

Этот рейс, однако, прошёл спокойно. Бойцы быстро выгрузили всё привезённое на платформу правобережного причала, так же быстро завершили погрузку и те, кто работал на наплавном понтонном причале. Пароход ушёл в шестой рейс, который, по расчётам капитана и коменданта переправы, должен быть предпоследним: грузов на левом берегу оставалось совсем немного.

Иссиня-зелёная полоска на востоке стала шире, намного поднялась над горизонтом. Приближался рассвет. В чуть-чуть рассеивавшейся темноте стали заметнее вырисовываться контуры автомобилей, стоявших на кормовой палубе, штабели уложенных на полубаке ящиков.

Отдалённый гул моторов донёсся с той стороны, откуда шёл пароход. Стервятники заходили обычным для них порядком — с кормы. Не больше двух минут отделили этот звук от схватки парохода с четырьмя вражескими самолётами.

Первыми начали бой зенитчики. Заградительная полоса металла и огня прочертила границу между пароходом и самолетами, но те с рёвом мчались к своей цели. Первый из них метнул свои бомбы несколько преждевременно и чуть левее от курса. Второй стервятник, собиравшийся пролететь над самой палубой, но прошитый пулемётной очередью, резко повернул в сторону и скрылся в предрассветном сумраке.

Надрывное жужжание моторов теперь донеслось не с кормы,

а с той стороны, где у правого берега стоял причал. Самолёты шли наперерез «Краснофлотцу», шли на порядочной высоте и были невидимы.

В этот момент начинавшее сереть небо лизнула короткая полоса луча, потом в противоположной стороне — вторая, за ней третья. Лучи медленно поднялись кверху, вытянулись и скрестились. Гигантская крестовина зашевелилась, задвигалась вправо и влево, опустилась книзу, потом снова поднялась. Белые линии свободно раскачивались в высоте, не встречая на своем пути никаких препятствий. Но вдруг луч наткнулся на маленькую серебристую точку, которая медленно приближалась к «Краснофлотцу». Неожиданно точка провалилась вниз, но вслед за ней упал один луч, потом второй. Точка оказалась в центре двух лучей, а третий, упав несколько ниже, подхватил вторую такую же точку. На берегу, будто аплодируя ловкости прожектористов, захлопали зенитки, затрещали разноцветными строчками многоствольные пулемёты.

Лучи с двумя серебристыми точками всё ближе и ближе перемещались к пароходу. Точки виляли в разные стороны, проваливались вниз, вздымались кверху, но курсом шли только одним, — к пароходу. Было похоже на то, что сами лучи бережно и осторожно несли их сюда, вели на цель. Еще быстрее завертелись штурвальчики зениток, быстрее замелькали руки, подававшие снаряды, участили дробь пулемёты...

Вдруг над одной из точек появилось дымчатое пятнышко. Оно быстро удлинилось, точка вспыхнула темнокрасным цветом. Описав гигантскую яркую дугу, самолёт с воем вонзился в лёд. Впереди «Краснофлотца» раздался взрыв, взметнулся кверху огненный столб, замахали в разные стороны кривые языки пламени.

На «Краснофлотце» каждый по-разному выразил свое торжество по поводу сбитого сейчас самолёта: один ударил в ладоши, другой пустил по адресу сбитого стервятника крепкое ругательство, но торжествовать не было времени, — наступил самый напряжённый момент боя. Центр крестовины с оставшейся одной серебристой точкой поплыл почти над пароходом. Потом точка нырнула вниз.

Взрыв... Буксир чуть приподнялся, качнулся в сторону и накренился... Загромыхали, ударяя друг о друга, не закреплённые автомашины, затрещала в пазах палуба, зазвенели осколки битого стекла и всё стихло, замерло. Первым нарушил напряжённую тишину стон на полубаке.

К полубаку бросилось сразу несколько человек. Стоны раненого и топот ног заглушили слова, раздавшиеся из коридора носового кубрика:

— В правых каютах пробоины-ы! Заливает водо-ой!

Молнией метнулись с капитанского мостика зенитчики запасных расчётов и старший помощник Смолин, вихрем влетела в нутро затемнённого коридора подвахта кочегаров и матросов.

В двух каютах было по пробоине. Один осколок, разорвав фанерную обшивку выше иллюминатора и разбив верхушку шкафчика, вонзился в противоположный угол, второй пробил корпус. Сквозь громадную дыру вода с шумом ринулась в каюту. Прибежавшие первыми матросы, открыв дверь, отступили: вода подобралась к самому комингсу. Расталкивая столпившихся у дверей матросов, в каюту вбежал Смолин.

— Доски, доски давай! — крикнул он и бросился со сдёрнутым с койки тюфяком к пробоине. Струя отшвырнула тюфяк и обдала ледяным фонтаном Смолина. В каюту вбежал со вторым тюфяком помощник капитана Геннадий Зенькович. Вдвоем им удалось закрыть дыру. Теперь вода медленно текла по стенкам, оставляя широкую полосу. За стенкой скрежетал лёд. Пароход, не останавливаясь, продолжал свой тяжёлый рейс. Когда кусок льдины упирался острым концом в пробоину, тюфяк давил в спины Смолину и Зенькозичу, отставал от стенки, и ледяной фонтан снова обдавал обоих с головы до ног.

Пароход подошёл к причалу. Выгрузка быстро кончилась. Пароход ушёл в обратный путь. Острые концы льдин вновь тол-

клись в пробоину, но теперь давили уже не на тюфяк, а на деревянную подушку, обшитую листовым железом.

...Пароход в последний раз в эту ночь подошёл к понтонному причалу и приняв на себя весь оставшийся там груз и людей, медленно вышел на фарватер. Снежный позёмок быстро замёл следы человеческих ног на причале, широкую узорчатую колею автомашин на берегу, разметал в разные стороны и унёс куда-то пучки сухого сена и обрывки бумажек...

Занимался серый декабрьский рассвет. Было ещё темно, но на востоке всё выше и выше поднималась и ширилась в разные стороны белая полоса.

Когда с палубы ушёл последний ящик с боеприпасами, капитан Челышёв передал вахту своему помощнику и в первый раз за эту ночь вошёл к себе в каюту. Мягкий зеленоватый свет настольной лампы падал из-под матового абажура на раскрытые листы вахтенного журнала. Челышёв сел к столу, пододвинул к себе журнал, поставил вверху листа дату и крупным размашистым почерком записал:

«Перевозили с левого берега на правый бойцов, воинское снаряжение и технику. Сделано семь рейсов. В пятом рейсе на пути к правому берегу на судно спикировал фашистский бомбарди-

ровщик. Сброшенная бомба вреда не причинила. В шестом рейсе со стороны кормы налетело два самолёта. Один сбросил за кормой бомбу, а второй, очевидно, повреждённый, улетел, не отбомбившись. Пятнадцать минут спустя, на большой высоте появилось ещё два самолёта, один из которых огнём зениток сбит. Сброшенная бомба со второго самолёта разорвалась у правого борта. Осколками в двух местах пробит корпус. Обе пробоины заделаны силами команды. Перевозка воинских подразделений и техники закончена в 5 часов 45 минут».

Челышёв собрался закрыть журнал, но, подумав немного, поставил на месте последней точки запятую и дописал: «...на пятнадцать минут раньше срока, данного приказом командования».

Вот и всё, что рассказал вахтенный журнал о событиях этой ночи.

**
*

Вторые сутки выла пурга над Волгой. Леденящий ветер, не перестававший вот уже две недели дуть из-за Урала, в конце концов достиг ураганной силы. Жгучий воздушный поток со свистом проносился между голыми ветвями ахтубинских лесов и сюда, на отлогий берег, где стоял свайный причал переправы, врывался со снегом и песком.

Снег забирался за воротники ватников, песок слепил глаза, сугробы забили дороги и тропинки, по которым длинной цепью друг за другом двигались люди. Те, кто направлялся от леса к берегу, шли во весь рост, придерживая на плечах небольшие, но тяжёлые ящики, а направлявшиеся к лесу прижимались чуть не к самой земле, прикрывая глаза холодной варежкой.

На причале, несколько возвышающемся над отлогим берегом, ветер был ещё сильнее. В снежной мгле люди натыкались друг на друга, падали, спотыкаясь о невидимые холмики, образовавшиеся в тех местах, где лежали ящики, бочонки, колёса автомашин, пустые стаканы зенитных снарядов.

Густой лёд, покрывший всю реку и вот-вот собиравшийся окончательно сковать её, с грохотом, шипением и звоном разбивался о сваи причала, о борта стоящих здесь же «Краснофлотца» и баржи. Из высокой трубы парохода валил густой чёрный дым. Его подхватывал ветер, разрывал на куски и разносил в разные стороны. Когда такое чёрное облако врывалось на причал, тот, кто находился здесь, вдыхал казавшийся особенно приятным запах далёкого тепла и нефти.

В этот день дверь капитанской каюты пропустила не один десяток посетителей. Стряхнув на палубе снег с шапок-ушанок и полушубков, в каюту поочередно входили командиры различных подразделений, руководители переправы и интенданты.

Капитан внимательно выслушивал каждого, делал пометки в тетради, и в зависимости от того, приходил ли посетитель с просьбой или советом, обещал выполнить просьбу, благодарил за совет. Во время одной такой беседы с интендантом, пришедшим узнать, согласится ли капитан погрузить сено на мостик, дверь легонько заскрипела, открылась и вместе со струей морозного пара пропустила в каюту двух военных.

— Большую задачу ставим перед вами, капитан!—садясь на стул, сказал один из вошедших. — Что вам нужно перебросить, вы знаете, а сколько времени для этого дано?

— Шесть суток,— быстро ответил Челышёв.

— Как раз нет, капитан, — ровно вполовину меньше: за трое суток всё предназначенное к переброске должно быть на том берегу...

**
*

В борьбе со снежным штормом и тяжёлой массой почти спаявшегося льда, в борьбе за каждую минуту дорогого времени и за сохранение судна от налетавших время от времени фашистских самолётов прошёл первый день. С левого берега перебросили на правый десятки орудий, автомобилей, повозок, много бойцов. Но человеческий поток, штабели ящиков и длинная цепочка автомобилей не уменьшались. Когда «Краснофлотец» отходил от левобережного причала, казалось, что причал теперь пуст, перевозить больше нечего, но, когда он возвращался обратно, сквозь снежную мглу вырисовывались той же величины штабели ящиков, той же длины цепочки автомобилей и тот же нескончаемый человеческий поток. Казалось, что сам ураган выносил из недалёкого леска и бросал всё это сюда, на причал.

Время шло. Оставалось два дня. А на берегу находилось еще три четверти того, что надо было перевезти.

**
*

Бескрайные ледяные поля, медленно двигавшиеся вдоль заснеженных волжских берегов, почти остановились. Только временами отдельные льдины с грохотом и шипением вдруг вползали на соседние, нагромождали торосы, создавали неприступные для «Краснофлотца» барьеры. Пароход медленно подходил к ледяному валу, упирался в него форштевнем и всей мощью своих семисот сорока индикаторных сил начинал приступ. Вначале барьеры пробовали преодолевать с хода, полагаясь только на силу машин и на уступчивость молодого, не совсем спаявшегося льда, но уже к вечеру пришлось прибегнуть к манёврам, выполнение которых свойственно винтовым судам ледо-

кольного и полуледокольного типа, но отнюдь не хрупким колёсным буксирам.

Поздним вечером, как раз на половине пути к правобережному причалу, «Краснофлотец» застрял. Сделав отчаянный прыжок и с грохотом вклинившись в ледяное поле, пароход попробовал отойти назад для повторения тарана, но льдина цепко зажала его и не выпустила обратно. Стоявший на мостике вахтенный помощник Можнов попробовал несколько раз поработать переменными ходами машин,—назад и вперёд, но пароход только дрожал от палубы до клотика, но ни на сантиметр не сдвинулся с места. Вызванный на мостик капитан принял решение воспользоваться находящейся на пароходе взрывчаткой и ею подорвать ледяной барьер. Когда грохнул взрыв, впереди парохода образовалась узенькая полоска чистой воды. Пароход прошёл несколько метров, но в том месте, где треснувшая льдина снова слилась в цельное поле, остановился. Челышёв повторил испытанный манёвр: отвёл пароход назад, сделал разбег и полным ходом пошёл вперёд. Вначале были слышны только грохот ломавшегося льда и частые ритмичные хлопанья лопастей гребных колёс.

Вдруг в эти мерные, уже ставшие привычными звуки, влился скрежет металла и сильный глухой удар. Пароход замер на месте. Оказалось, что несколько металлических плиц, вырванных вместе с болтами, в беспорядке упёрлись концами в лёд, согнулись в замысловатые формы.

Беснозалась ночная пурга, снежные вихри кружились над судном, леденящий металл обжигал руки, но на палубу ни на минуту не переставали доноситься удары кувалды и ручников. Механикам пришлось работать в темноте, наощупь, полагаясь на память, ибо даже маленькая «летучая мышь» или пятнадцатисвечовая электрическая переносная лампа могли своим светом привлечь внимание вражеских батарей.

Только два часа спустя, после отчаянных усилий, разбегов и многочисленных таранов, подвёл «Краснофлотец» к правобережному причалу баржу. На мостик поднялся комендант переправы и спросил:

— Сколько сейчас привезли? Неужели опять в два раза больше, чем в прошлый рейс?

Челышёв посмотрел на коменданта и ответил:

— До двух раз, может, чуточку и не дотянул, а двадцать танков, одиннадцать орудий и восемнадцать автомашин доставили.

— Вот это да-а! — весело протянул комендант. — Чего доброго, в сроки уложимся!

— Такая думка, товарищ! Однако «гоп» скажем, когда последняя машина или ящик со снарядами будет вот здесь.

Рейсы в эту ночь были сравнительно спокойными. Теперь «Краснофлотец» и баржа свободно ходили от берега к берегу по проложенной во льду широкой дороге. Вслед за рейсом, когда перевезли двадцать танков, на палубу баржи погрузили двадцать шесть машин, потом прибавили ещё две, в следующий раз добавили столько же и к середине следующего дня довели счёт до сорока.

К вечеру снежная пурга утихла. Бесновавшийся около двух недель ветер, точно растеряв свою силу, подул немного поземкой и улёгся. Умчались куда-то серые облака. Небо стало высоким, голубым, осыпанным бисером давно не показывавшихся звезд.

— И так было плохо, и этак стало нехорошо!—принимая от Челышёва вахту, сказал Смолин. — Теперь голову в тулуп не запрячешь, а на звездочки поглядывать будешь,—как бы бомба в тебя не попала.

На мостике усилили вахту зенитчики. Запасные расчёты получили распоряжение быть в полной боевой готовности. Наступившая ночь обещала немало хлопот экипажу и тем, кто находился на берегу, у причалов.

Ровно в полночь «Краснофлотец» в последний раз взял на буксир баржу. На её палубе, вплотную прижавшись друг к другу, стояли сорок три танка, — последние! Доверху загружен был и «Краснофлотец».

Пароход отошёл. Где-то на корме незаметно и тихо родилась песня. Вначале пел один голос, потом к нему присоединился второй, третий. Песня росла и ширилась, ее слова, в которых воспевались величие и гордость матушки-Волги, уносились к заснежённым берегам, в ночные дали. Песня оборвалась внезапно. В старинный мотив влился отдалённый жужжащий вой моторов, и через несколько секунд между пароходом и фашистскими самолётами начался бой. Самолёты пришли с двух сторон, по два с каждой. В горячей схватке прошло не более десяти минут, но какими тяжёлыми были они! Сколько напряжения нервов и сил потребовалось от экипажа судна и от бойцов! Сколько ловкости и хитрости пришлось применить Челышёву, чтобы спасти своё судно и баржу! Самолёты сделали три захода, но ни одна бомба не причинила вреда. На палубы и мостик долетели только мелкие ледяные осколки.

...Два самолёта пошли в новую, четвёртую по счёту, атаку со стороны кормы. Первый сбросил только одну бомбу, которая, взорвавшись между баржей и пароходом, перебила стальной буксир. Второй сбросил на палубу «Краснофлотца» несколько

зажигалок. Искрясь и шипя, на носовой и кормовой палубах вспыхнули белые огни. К пламени бросились бойцы. В ход пошли песок, куски брезента, кто-то сгоряча бросился к огню с шинелью.

Самолёты ушли. На палубе стало тихо. Наступающую тишину пронзил звонкий девичий голос со стороны полубака:

— Ящики горя-ят!

К полубаку бросилось несколько человек и первыми среди них — Можнов, старичок-механик Иван Матвеич и молодой кочегар Михаил Павлов. Яркое пламя с шипением лизало палубу, обвивало своими языками угол штабеля ящиков, где, размахивая полушубком, боролась с огнём Раиса.

Подбежавшие схватили верхние ящики, начали оттаскивать их в сторону. Угроза катастрофы миновала. Когда пущенная из брандспойта струя воды сбила с палубы последний огонь, на полубаке облегчённо вздохнули.

К Раисе подошёл один из командиров и, взяв её за руку, взволнованно проговорил:

— Спасибо, девушка! О вашем геройском поступке мы не забудем!

Раиса ответила на пожатие и, показывая на Можнова, сказала:

— Я тут, пожалуй, не при чём: если бы не Сергей Иванович, мне одной ничего бы не сделать. Он первый схватил горящий ящик и шинелью сбил огонь...

— Не я сбил, а Иван Матвеич,—ища глазами старика-механика, — ответил Можнов. — Я только шинель на ящик набросил, а на него со всего размаху налетел Иван Матвеич, схватил ящик, точно в обнимку и задушил шинелью огонь. Иван Матвеич!

Старик не отозвался. Когда опасность миновала, он незаметно проскользнул в свою каюту. Грудь его горела. Он почувствовал эту нестерпимую боль ещё в тот момент, когда прижимал горящий ящик, но потом бросился к другим ящикам и о боли забыл.

В каюте Иван Матвеевич снял с себя куртку. Весь перёд её истлел. Сняв верхнюю рубашку, он испугался: серое полотно спереди было коричневым, словно к нему приложили громадный раскалённый утюг. Почти такого же цвета была и нижняя рубашка. Осторожно, закусив губу от боли, он снял и её. Грудь была красной, с кое-где выступившими волдырями. Он долго смотрел на них и не сразу понял, что это следы металлических пуговиц его тужурки. Потом он понял и другое: своей грудью он затушил огонь горевшего ящика. Он понял, что в эту ночь сделал что-то большое и важное, — такое, чего не делал ни разу

в жизни. Матвеич сел на краешек клеёнчатого дивана и закрыл глаза. В горле что-то сдавило, а из закрытых век выступили две крупные слезы. То были слёзы радости.

***

Луч декабрьского солнца осторожно лёг на край стола, зашевелился светлыми зайчиками на крышках коробочек, лежавших рядом. На «Краснофлотце» стояла торжественная тишина. Даже бойцы и командиры, занимавшиеся погрузкой, старались выполнять своё дело тихо и осторожно.

На носовой палубе, недалеко от стола, выстроился в длинную шеренгу весь экипаж. К столу подошли член Военного совета армии, представители штабов дивизий, командование переправы. Один из лейтенантов сделал знак правой рукой, и воздух наполнился торжественными звуками горна. Погрузка прекратилась.

— Товарищи! — полковник Субботин обвёл взглядом шеренгу стоявших перед ним бойцов и командиров, застывших на своих местах. — Не в высоких и светлых залах Кремля собрались сегодня отважные представители славной семьи волгарей. Здесь, на фронтовых переправах, бок-о-бок с воинами Красной Армии защищали они сталинградские берега и свою любимую Волгу. И здесь же, на фронтовых рубежах, Родина и фронт благодарят сегодня самых отважных и самых смелых из экипажа парохода «Краснофлотец». Их честный и самоотверженный труд, их инициатива, граничащая с геройством, обеспечили выполнение серьёзнейших заданий.

Полковник взял лежавший под одной из коробочек лист бумаги и прочёл его. Капитан услышал свою фамилию, но дружный гром рукоплесканий заглушил слова полковника. Правда, Челышёв уловил, что фамилия его повторилась еще раз, а потом в не прекращающемся громе аплодисментов были названы еще две фамилии.

Полковник поднял руку и в наступившей тишине ясно и чётко произнёс:

— Челышёв Фёдор Николаевич, капитан парохода!

Челышёв вышел из шеренги и сделал несколько шагов к столику. Полковник ступил навстречу и, пожимая его правую руку, вложил в левую маленькую красную коробочку и книжку. Светлый зайчик от окна капитанской каюты упал на книжечку и заискрился на золотом тиснении «Орденская книжка». Челышёв приложил книжку и коробочку к своей груди, еще раз пожал руку полковника и громко сказал:

— Спасибо, товарищ полковник! С этой наградой ещё смелее пойдём в новые боевые рейсы!

— Вам спасибо, товарищ капитан! От всей Красной Армии спасибо!

Челышёв повернулся и направился к шеренге и услышал чёткие слова полковника:

— Рожнов Иван Матвеевич, помощник механика парохода!

Навстречу Челышёву из шеренги вышел Иван Матвеич. Он не шёл, а точно плыл. Лицо, с застывшей складкой стариковских морщин, его было торжественно и строго.

Церемония повторилась. Полковник ступил навстречу, подал коробочку и книжку и протянул руку. Но рука, оборвав движение остановилась. Старик стоял с закрытыми глазами и спазмы судорожно сжимали его горло. Полковник осторожно положил руку на плечо старика и, наклонившись к самому его лицу, тихо проговорил:

— А вам, дорогой отец, от нас особая благодарность. С гордостью и много-много лет носите эту награду на своей груди. От лица всей Сталинградской армии горячо поздравляю и благодарю вас.

Матвеич открыл глаза. Они встретились с глазами полковника, весёлыми и радостными. Минуты волнения прошли. Теперь оно слышалось только в голосе, только в первых словах, которые он произнёс:

— Своему Отечеству и народу служу, товарищ полковник. Землю свою и Волгу родную защищаю. Спасибо и вам, что фронт не в обиде на старика остался.

Матвеич взял в обе руки коробочку и орденскую книжку и так же медленно, точно боясь уронить драгоценную ношу, направился к шеренге.

— ...Челышёва Раиса Фёдоровна, рулевой парохода, — произнес полковник.

Раиса твёрдым шагом двинулась к столику. Яркий румянец залил лицо. Она быстро взяла коробочку, орденскую книжку и, став в положение «смирно», громко и торжественно, как это делают бойцы, отдавая присягу, произнесла:

— Служу Советскому Союзу!

Полковник крепко пожал ей руку и, когда она, повернувшись, направилась к шеренге, назвал новую фамилию.

— Можнов Сергей Иванович, третий помощник капитана!

Когда коробочка и орденская книжка перешли в руки Можнова, когда стихли последние хлопки аплодисментов и снова наступила тишина, полковник обратился к экипажу, командирам и бойцам:

— Товарищи! Наша Родина ведёт тяжёлую борьбу с самым коварным врагом человечества — гитлеровским фашизмом. На бескрайных равнинах наших степей, в густых зарослях наших лесов и на берегах морей доблестные воины Красной Армии истребляют живую силу и технику врага. Военная машина гитлеровской Германии на грани катастрофы, враг истекает кровью, но он ещё не добит. Для полного уничтожения и истребления врага, от всех нас,—от бойцов и командиров, от всего советского народа, — требуется величайшее напряжение сил и самопожертвование. Будем драться так, чтобы тот, кто стоит сейчас у станков и доменных печей, кто трудится в тихих лабораториях и за конструкторским столом, сказал: «Хорошо! Спасибо, воины!» Будем работать так, чтобы тот, кто находится сейчас у орудий и пулемётов, кто несёт боевую вахту в кабине самолёта и на башне корабля, произнёс горячие слова благодарности: «Хорошо трудитесь, братья и сёстры! Красноармейское спасибо вам!» ...Сегодня Красная Армия посылает свою благодарность маленькому коллективу из большой и славной семьи волгарей, — экипажу парохода «Краснофлотец», который бок-о-бок вместе с нами дерётся на сталинградской земле с жестоким врагом. Хорошо дерётесь, товарищи!.. Всем вам фронтовое от нас спасибо!

Замершая на месте шеренга чуть колыхнулась, несколько пар глаз встретились друг с другом и воздух потрясли чёткие, точно кованые из металла слова:

— Слу-жим Совет-скому Союзу!

Полковник повернулся, поймал кого-то взглядом, и в воздух полились протяжные призывные звуки горна.

Погрузка возобновилась.

★

ЗА ТОПЛИВОМ

Для судов, работавших на переправах, нехватило топлива в горячий момент перевозок. Оно находилось в нескольких километрах ниже от причалов, на барже, стоявшей у левого берега. Участок этот систематически обстреливался вражескими батареями с противоположного берега, и посылать туда пароход считалось почти безнадёжным делом. Но иного выхода не было. Пришлось итти на риск. Выполнение задания поручили Александру Якозлевичу Шварезу, капитану баркаса «Надёжный».

Поздней ночью «Надёжный» вышел в опасный рейс. Вокруг баркаса рвались снаряды. Немцы не видели судна и стреляли по реке наугад из пушек и минометов.

Прижимаясь почти к берегу, «Надёжный» осторожно подошёл к барже. Команды там не было. Несколько матросов вместе со старшим помощником Василием Игнатьевичем Овчинниковым перескочили на палубу, быстро завели и закрепили буксир, отдали с берега концы и так же быстро перескочили обратно на баркас.

Когда «Надёжный» и баржа находились уже далеко от опасного участка, у левого борта взорвался снаряд. Шальной или недолёт? Капитан на всякий случай переложил штурвал влево. Судёнышко кинулось в сторону разорвавшегося снаряда. Второй ухнул метрах в двадцати от правого берега. Перелёт! Началась игра со смертью. Шварев бросал свой катер и баржу вправо и влево, временами замедляя ход совсем, а временами требовал в машинный рупор оборотов сверх нормы.

Так продолжалось около часа. Только за высоким крутым мысом обстрел прекратился. Далеко за полночь «Надёжный» подвёл баржу к переправам. К ней тотчас подошло несколько пароходов для забора нефти.

Капитан Шварев направился в землянку коменданта переправы и громко отрапортовал:

— Баржа доставлена! Какое будет распоряжение?

***

А через неделю топливо снова иссякло, и снова капитан Шварев получил задание отправиться в опасный путь, на этот раз к полузатопленной недалеко от немцев барже.

В темноте баркас тихо пришвартовался к барже. Опустили шланг в открытое горло люка. На полную мощность загудел камерон, перекачивая нефть. Первый помощник механика Еремей Денисович Тараков внимательно следил за его работой. Каждая минута промедления могла оказаться роковой.

Перекачка подходила к концу. Ещё три-четыре минуты—и готово! Не оборачиваясь в сторону кочегара, стоявшего у форсунки, Тараков сказал:

— Ванюшка! Давай, шуруй на полную. Сейчас отходить будем!

Но не успел он договорить, как страшный удар потряс весь корпус баркаса, зазвенели стёкла, вылетевшие из светового машинного люка, с шипением вырвался откуда-то пар, в машинном отделении погас свет.

— Ванюша! — кричит Тараков.— Зажги фонарь!

Но кочегар молчит. Тараков делает несколько быстрых шагов в сторону котла. Что это? Он наклоняется. Жёлтые блики пламени, пробивающиеся через просвет неплотно закрытой дверцы топки, дрожаще шевелятся на неподвижных скулах знакомого лица.

— Ванюша!—пытаясь поднять кочегара, громко повторяет Тараков. Но голова кочегара беспомощно свисает вниз, к луже разлившейся по слани крови... Убит!

Тараков осторожно опускает неподвижное тело на слань и несколькими прыжками взбегает по трапу.

— Эй, на палубе! Сюда!—кричит он в темноту ночи.

Первым прибежал старший механик Михаил Иванович Тихомин. Вслед за ним замелькали по трапу ноги кочегара Алексея Мясникова.

«Летучая мышь» бледным светом озарила машинное отделение. Осмотрелись. Паровой движок и динамо разворочены, спускная труба котла пробита осколком и оттуда со свистом и шипением вырывается пар. Подойти близко к повреждённому месту почти невозможно: пар обдаёт лицо и руки. Над главной машиной мерно зазвенел сигнальный звонок и далёкий, но ясный голос капитана донёсся из раструба:

— Вперёд!

Старший механик бросается в сторону рупора и кричит в ответ: «Две минуты сроку. Пробита пароотводная труба. Сейчас заделаем... Две минуты»...

Все трое осторожно подкрадываются к трубе. В руках Тараков парусина и асбест. Алексей Мясников держит проволоку. Парусина и асбест наложены на пробоину, закреплены проволокой... О! Это была тяжёлая работа! Нет ничего хуже свистящего, обжигающего пара!

Сколько прошло минут? Об этом не знают ни капитан Шварев, ни те, кто находился на палубе, ни те трое, которые работали в машине. В этот момент секунда казалась часом, минута—вечностью.

Наконец в рубку донёсся приглушённый голос механика: «Гото-о-во!»

«Надёжный» быстро отошёл от баржи. Лёгкий и подвижной, он кидался из стороны в сторону, искусно маневрировал, путая фашистских артиллеристов и миномётчиков. Его несколько раз засыпало осколками, на палубу выбросило поднятую со дна реки грязь и глину, но баркас с каждой минутой всё дальше и дальше уходил от вражеского берега.

Коллектив выполнил задание. А через два дня с низовьев пришёл нефтекараван. Теперь недостатка в горючем не было.

★

Цена 1 руб. 50 коп.

М 255-55